

ЭРНЕСТ

ХЕМИНГУЭЙ

ОСТРОВА И МОРЕ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Эрнест Хемингуэй

Острова и море

«АСТ»

1970

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э. М.

Острова и море / Э. М. Хемингуэй — «АСТ»,
1970 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-108797-5

«Острова и море». Искренняя и правдивая история жизни и гибели меланхоличного отшельника, художника-мариниста Томаса Хадсона и его сыновей. Роман об одиночестве и отчаянии, самоотверженности и отваге, поиске выхода из тупика и нравственном долге перед собой и окружающими.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-108797-5

© Хемингуэй Э. М., 1970

© АСТ, 1970

Содержание

Часть первая. Бимини	6
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эрнест Хемингуэй

Острова и море

Ernest Hemingway
Islands in the Stream

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1970

© Перевод. В. Бернацкая, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

* * *

Часть первая. Бимини

1

Дом был построен на вершине узкой косы между гаванью и открытым морем. Сколоченный крепко, как корабль, он выдержал три урагана. Высокие кокосовые пальмы, искривленные регулярно дующими пассатами, дарили благодатную тень, а от двери, выходящей на океан, крутой спуск вел к песчаному берегу, омываемому Гольфстримом. Когда не было ветра, вода здесь казалась совсем синей. Но стоило ступить в нее, как от россыпи белевшего под ногами песка она становилась зеленой, и тень от большой рыбы можно было видеть задолго до того, как она приближалась.

Здесь было приятно и безопасно купаться днем, но только не ночью. Тогда к берегу подплывали на охоту акулы, и тихими ночами с балкона можно было слышать шум быющей в агонии рыбы, а спустившись на берег, увидеть на воде фосфоресцирующие отблески битвы. Ночью акулы не ведали страха, и все живое трепетало перед ними. Но днем они держались далеко от белого песчаного пляжа, и лишь изредка на приличном расстоянии можно было различить их неясные силуэты.

В доме жил Томас Хадсон. Он был хороший художник и большую часть года работал здесь, на острове. Когда достаточно долго живешь в этих широтах, смена времен года становится не менее важной, чем в других местах, и любившему остров Хадсону не хотелось пропускать на нем ни весну, ни лето, ни осень или зиму.

Иногда лето бывало слишком жарким, это случалось, когда август стоял безветренным или когда в июне или июле ослабевали пассаты. Ураганы могли нагрянуть в сентябре, октябре или даже в начале ноября, а шальной тропический шторм – в любое время начиная с июня. Но и в сезон ураганов были дни, когда погода стояла отличная.

За много лет Томас Хадсон достаточно изучил тропическую погоду и мог задолго до предостережений барометра по одному взгляду на небо определить, стоит ли ожидать надвигающуюся бурю. Он знал, как определить характер урагана и какие меры предосторожности надо принимать. Он также знал, что значит пережить ураган вместе с другими жителями острова и как сильно сближает людей разгул стихии. И еще он знал, что бывают ураганы такой силы, в которых ничто не может уцелеть. И если на его веку будет такой ураган, думал он, хорошо бы находиться здесь и погибнуть вместе с домом.

Сам дом походил на корабль. Построенный так, чтобы противостоять бурям, он словно сросся с островом, став с ним одним целым; все его окна выходили на океан, в доме всегда гулял ветерок, и даже в самые жаркие ночи здесь отлично спалось. Чтобы прохлада дольше сохранялась, дом выкрасили в белый цвет, и в летние дни он был хорошо виден издали с моря. Дом возвышался надо всем, если не считать ряда казуарин – эти высокие темные деревья первыми замечаешь, приближаясь к острову. Но потом сразу обращаешь внимание на белый массив дома. А по мере приближения к берегу видишь уже весь остров с кокосовыми пальмами, дощатыми домиками, белой береговой линией и густо поросшей зеленью южной частью. Не было ни одного случая, чтобы Томас Хадсон не испытал счастья при взгляде издали на этот дом. Он привык думать о нем в женском роде, словно тот был теплым лоном, так английские моряки говорят о корабле¹. Зимой, когда дули северные ветры и становилось по-настоящему

¹ Английское «ship» (корабль) – «она», то есть женского рода.

холодно, в доме было тепло и уютно, потому что в нем имелся камин – единственный на острове. Большой, открытый камин – Хадсон топил его выброшенным на берег плавником.

У южной стены дома он сложил целую кучу плавника. Некоторые из выбеленных солнцем и отшлифованных ветром и песком разномастных кусков дерева так ему нравились, что он с трудом бросал их в огонь. Впрочем, после шторма на берегу оставалось так много этого добра, что со временем Хадсон привык получать удовольствие, сжигая даже любимые куски. Он знал, что море создаст еще, и холодными вечерами сидел в большом кресле у камина и читал при свете лампы, стоявшей на грубо сколоченном столе, временами отрываясь от чтения, чтобы прислушаться к вою ветра за окном, грозному шуму морского прибоя и посмотреть, как сгорают в огне крупные белесые поленья.

Иногда Хадсон гасил лампу, ложился на ковер и следил за цветовыми переливами в тех местах, где сгорали морская соль и песок, пропитавшие дрова. Он лежал на полу, его глаза были вровень с очагом, и когда он видел, как пламя отпускает дерево, ему становилось и грустно, и радостно. Горящее дерево всегда вызывало в нем такие чувства. Но когда горел плавник, у него все в душе переворачивалось. Хадсон думал, что, наверное, нельзя сжигать то, что слишком нравится, но вины при этом не испытывал.

Лежа на полу, он чувствовал себя неуязвимым для ветра, хотя тот разгуливал в нижних углах дома, гнул островную траву, разметывал морские водоросли и взрыхлял песок. Пол дрожал от ударов прибоя, и Хадсон вспоминал, как давно, еще в молодости, вот так же дрожала под ним земля от залпов тяжелых орудий.

Зимой камин был незаменим, и в остальные месяцы Хадсон, зная, как тот пригодится в холодную погоду, любовно поглядывал на него. Зима была здесь лучшим временем года, и каждый раз он с нетерпением дожидался ее прихода.

2

Прошла зима, и уже подходила к концу весна, когда сыновья Томаса Хадсона приехали в этом году на остров. По уговору все трое должны были встретиться в Нью-Йорке, там сесть на поезд и уже из Мейнленда лететь к отцу. Но, как обычно, возникли сложности с матерью двоих младших. Ничего не говоря их отцу, она запланировала поездку в Европу, где намеревалась провести с мальчиками все лето. Отцу она оставила рождественские каникулы – после Рождества, разумеется. Само Рождество они должны провести с ней.

Томас Хадсон уже привык к этим капризам, и дело в конце концов кончилось компромиссом. Было решено, что мальчики приедут на остров и проведут с отцом пять недель, а потом вернутся в Нью-Йорк и оттуда на французском лайнере поплывут в Париж по студенческому тарифу. Там их встретит мать, которая к тому времени купит кое-что из необходимой одежды. В плавании их будет опекать старший брат Том-младший. В дальнейшем Том присоединится к *своей* матери, снимавшейся на юге Франции.

Мать Тома-младшего не требовала сына к себе и с удовольствием отпустила бы его к отцу на все лето. Но сыну она обрадуется, и так будет достигнут разумный компромисс, принимая во внимание неуступчивость другой матери. Эта прелестная, очаровательная женщина отличалась тем, что никогда не меняла своих планов, держала их в секрете, как настоящий генерал, и последовательно проводила в жизнь. Компромисса еще можно было добиться. Но кардинальных изменений – никогда, независимо от того, пришел ли план ей в голову бессонной ночью, или пасмурным утром, или вечером за стаканчиком джина.

Но план планом, а договор договором, и Томас Хадсон, зная это и пройдя хорошую школу бракоразводного процесса, радовался, что согласие достигнуто и дети останутся с ним на пять недель. Если в нашем распоряжении всего пять недель, думал он, надо использовать их по полной программе. Пять недель – не так уж мало, если можешь провести его с теми, кого любишь

и с кем хотел бы никогда не расставаться. А зачем я вообще ушел от матери Тома? Лучше не думать об этом, сказал он себе. Об этом лучше никогда не задумываться. Та, вторая, родила тебе славных мальчишек. Очень необычных, сложных, но ты знаешь, как много хорошего они унаследовали от нее. Она замечательная женщина, и с ней тебе тоже не стоило расставаться. Но сразу поправился: нет, стоило.

Впрочем, это не очень его беспокоило. Он давно уже перестал по этому поводу волноваться и, насколько возможно, изгнал из себя чувство вины работой. Все, о чем он сейчас думал: вот приедут мальчишки и надо сделать так, чтобы они хорошо провели лето. А когда они уедут, можно будет вернуться к своей работе.

Ради работы и той сложившейся размеренной трудовой жизни на острове он был готов отказаться почти от всего, кроме встреч с детьми. Хадсон верил, что на острове ему удалось обрести нечто непреходящее, что будет всегда удерживать его здесь. Теперь, когда он тосковал по Парижу, то не мчался туда, а просто вспоминал. Это относилось и к остальной Европе, а также к некоторым местам в Азии и Африке.

Он вспоминал слова Ренуара, когда тому сообщили, что Гоген уехал на Таити, чтобы рисовать: «Зачем тратить кучу денег и ехать на край света, когда так хорошо рисуется здесь, в Батильоне?» По-французски это звучало лучше: «*quand on peint si bien aux Batignolles*», и Томас Хадсон думал об острове как о своем *quartier*². Здесь он жил постоянно, знал всех соседей и работал так же усердно, как в Париже, когда Том-младший был еще малышом.

Иногда он покидал остров, чтобы порыбачить у берегов Кубы или съездить осенью в горы. А свое ранчо в Монтане он сдал в аренду, ведь лучше всего там было летом или осенью, а к осени мальчишки теперь возвращались в школу.

Время от времени ему приходилось ездить в Нью-Йорк, чтобы повидаться со своим агентом. Но теперь агент все чаще сам приезжал к нему и увозил на север картины. Как художник, Хадсон приобрел широкую известность и в Европе, и на родине. Кроме того, он получал регулярный доход от нефтеносного участка на земле, которая в прошлом принадлежала его деду. В те годы там было пастбище, но при его продаже было оговорено, что право эксплуатации недр сохраняется за прежним владельцем. Половина от нефтяных поступлений уходила на алименты, а оставшиеся деньги давали возможность не думать о хлебе насущном и рисовать так, как ему хотелось, не испытывая коммерческого давления. Он мог также жить где пожелает и путешествовать, куда душе угодно.

Он был удачлив во всем, кроме семейной жизни, хотя за удачей никогда не гонялся. Работа и дети – вот то, чем он дорожил, и еще он продолжал любить ту первую женщину, в которую когда-то влюбился. С тех пор он был влюблен еще не раз, некоторые женщины даже гостили на острове. У него была потребность видеть женщин, и каждый раз какое-то время он наслаждался их обществом. Но как бы сильно они ни нравились ему, при их отъезде он всегда испытывал облегчение. За последние годы он приучил себя не ссориться с женщинами и не жениться на них. Научиться этому оказалось не легче, чем упорядочить жизнь и приучить себя к упорному и организованному труду. Но ему удалось и то и другое, и, как он надеялся, теперь навсегда. Рисовать он научился давно и верил, что наращивает мастерство с каждым годом. Но вот осесть на одном месте и приучить себя к порядку оказалось самым трудным – раньше ему не доставало дисциплины. Безответственным он никогда не был, но расхлябанности, эгоцентризма и жесткости в нем хватало. Теперь это открылось – и не только потому, что многие женщины говорили ему об этом раньше, нет, он сам к этому пришел. Хадсон принял решение, что отныне он будет эгоцентричен только в творчестве, будет жестко судить только свою работу, будет дисциплинировать себя и строго придерживаться этой дисциплины.

² Квартал, квартира (фр.).

В пределах, допускаемых установленной дисциплиной и упорным трудом, Хадсон вовсе не собирался лишаться радостей жизни. Сегодня он был абсолютно счастлив – ведь утром приезжали сыновья.

– Вам ничего не нужно, мистер Том? – спросил слуга Джозеф. – Вы ведь сегодня уже закончили работу?

Джозеф был высоким парнем с длинным, очень черным лицом, большими руками и ногами. Он ходил в белой куртке, белых штанах, но босиком.

– Спасибо, Джозеф. Пожалуй, ничего не надо.

– Может, немного джина с тоником?

– Нет. Лучше спущусь вниз и пропущу стаканчик у мистера Бобби.

– Выпейте лучше дома. Дешевле выйдет. Когда я видел мистера Бобби, он был в плохом настроении. Говорит, его замучили коктейлями. Кто-то с яхты попросил «Белую Леди»³, а он послал к столу бутылку американской минералки – той, где дама сидит у ручья, вроде как в платье из mosquito net.

– Нет, я все-таки пойду.

– Давайте сначала смешаю одну порцию дома. С катера доставили почту. Почтаете письма, выпьете коктейль, а потом уж пойдете к мистеру Бобби.

– Ладно.

– Вот и хорошо, – сказал Бобби. – Потому что я его уже приготовил. Писем сегодня не так и много, мистер Том.

– А где они?

– Внизу, на кухне. Сейчас принесу. Два письма с женским почерком. Одно – из Нью-Йорка, другое – из Палм-Бич. Красивый почерк. Одно от джентльмена, который продает в Нью-Йорке ваши картины. Два – непонятно от кого.

– Хочешь ответить за меня?

– Да, сэр. Если желаете. Ведь я кое-чему выучился, хотя денег на учебу было маловато.

– Лучше принеси их сюда.

– Хорошо, мистер Том. Там и газета есть.

– Ее прочитаю за завтраком.

Томас Хадсон сидел, просматривал почту и потягивал прохладный коктейль. Одно письмо он прочел дважды, а потом положил их все в ящик стола.

– Джозеф! – позвал он. – К приезду мальчиков все готово?

– Да, сэр. Даже два лишних ящика кока-колы. Том-младший, верно, уж перерос меня?

– Еще нет.

– Как думаете, теперь он меня поборет?

– Не уверен.

– Частенько мы с ним мерились силой, – сказал Джозеф. – Странно даже называть его «мистер». Мистер Том, мистер Дэвид и мистер Эндрю. Все трое как на подбор отличные ребята. А мистер Эндрю самый смекалистый.

– Таким уж родился, – сказал Томас Хадсон.

– Да и когда подросток, хитрецом остался, – восхищенно произнес Джозеф.

– Ты им будь хорошим примером.

– Вы не можете требовать от меня этого, мистер Том. Еще три-четыре года назад, пожалуй, мог бы. Теперь, скорее, я буду равняться на Тома. Он учится в дорожной школе, и манеры у него как у настоящего джентльмена. Мне так никогда не выглядеть. Но вот держаться как он – свободно, естественно и в то же время вежливо – постараюсь научиться. А умом попробую походить на Дэйва. Это трудней всего. И еще хотелось бы набраться смекалки у Энди.

³ Коктейль из джина, апельсинового ликера и лимонного сока.

- Только не вздумай потом хитрить здесь.
- Нет, мистер Том, вы меня не так поняли. Хитрить мне на работе ни к чему. Смекалка пригодится в личной жизни.
- А хорошо, что они приедут, правда?
- Мистер Том, такого важного события не было со времен большого пожара. Я могу его сравнить разве что со Вторым пришествием. Вы спрашиваете: хорошо ли? Просто чудесно, сэр.
- Надо придумать для них интересные развлечения – чтоб было веселей.
- Нет, мистер Том, – сказал Джозеф. – Скорее, надо раскинуть мозгами, как уберечь ребят от их собственных опасных затей. Эдди нам поможет. Он знает их лучше, чем я. А я им друг, и это вносит сложности.
- Как дела у Эдди?
- Он тут немного выпил по случаю дня рождения королевы, но сейчас в отличной форме.
- Пойду, пожалуй, к мистеру Бобби, надо поднять ему настроение.
- Он спрашивал о вас, мистер Том. Мистер Бобби – истинный джентльмен, а эти придурки с яхт иногда здорово портят ему настроение. Я оставил его в плохом состоянии.
- А ты что там делал?
- Пошел за кока-колой, а потом немного размялся за бильярдным столом.
- Стол все такой же?
- Еще хуже стал.
- Пойду, – сказал Томас Хадсон. – Только сперва приму душ и переоденусь.
- Все чистое лежит на кровати, – предупредил Джозеф. – Хотите еще джинну с тоником?
- Нет, спасибо.
- Мистер Роджер приехал.
- Отлично. Обязательно его разыщу.
- Он остановится у нас?
- Возможно.
- На всякий случай приготовлю ему постель.
- Вот и хорошо.

3

Томас Хадсон принял душ, намылил голову и долго стоял под сильной, режущей струей воды. Он был крупным мужчиной и голый казался даже крупнее, чем в одежде. Кожа его потемнела на солнце, а волосы выгорели прядями. И ни грамма лишнего веса – весы показали 192 фунта.

Надо было сначала поплавать, а потом принять душ, подумал он. Но перед работой я уже сделал большой заплыв и сейчас немного устал. Еще наплаваюсь, когда приедут мальчики. И Роджер здесь. Вот и славно.

Хадсон надел свежие шорты, выгоревшую тенниску, мокасины и, покинув дом, спустился по склону к калитке в частокоте и вышел на залитый солнцем, выбеленный его лучами коралловый известняк Королевского шоссе.

С крыльца дощатой хижины в тени кокосовых пальм, таких хижин еще много стояло вдоль дороги, вышел старик негр с очень прямой спиной в черной шерстяной рубашке и выглаженных темных брюках, он прежде Хадсона свернул на шоссе. Когда он повернулся, Томас Хадсон увидел его красивое черное лицо.

Из-за хижины донесся детский голосок, распевавший шутливый стишок на старую английскую мелодию:

Дядя Эдвард был в Нассау,

Леденцы привез оттуда.
Я купил, и друг купил,
И было нам ох как худо...

Дядя Эдвард обернулся, и в ярком свете дня его красивое лицо было печальным и расстроенным.

– Я тебя знаю! – крикнул он. – Не вижу, но знаю, кто ты такой. Вот пожалуюсь на тебя констеблю.

А мальчишка выводил чистым, веселым голоском:

Ох, Эдвард,
Ох, Эдвард,
Ну и плут ты, дядя Эдвард!
И конфеты твои – дрянь!

– Вот расскажу все констеблю, – пригрозил дядя Эдвард. – Уж он тебе всыплет.

– Как, дядя Эдвард, сегодня опять накормишь нас дрянными конфетами? – продолжал мальчишка. Он предусмотрительно прятался от старика.

– Человека преследуют, – громко объявил дядя Эдвард, продолжая идти. – Срывают с него покровы достоинства и растаптывают. Господи, прости их, ибо не ведают, что творят.

Впереди на Королевском шоссе из окон над баром «Понсе-де-Леон» тоже неслось пение. Хадсона догнал негритянский юноша.

– Там заварушка, мистер Том, – сказал он. – Или что-то вроде того. Господин, приплывший на яхте, выбрасывает из окна вещи.

– Какие еще вещи, Луис?

– Всякие, мистер Том. Все, что под руку попадется. Леди пыталась его остановить, но он пригрозил и ее выбросить.

– Откуда взялся этот господин?

– С севера – богач какой-то. Божится, что может купить и продать наш остров. Пожалуй, правда купит – и задешево, если продолжит расшвыривать все вокруг.

– А что констебль?

– Да ничего, мистер Том. Его пока не вызвали. Но собираются. Без него, видимо, не обойтись.

– Так ты сейчас занят, Луис? А как насчет наживки на завтра?

– Я все заготовлю, мистер Том. Не беспокойтесь. Будет наживка. С теми, с яхты, я вроде как работаю. Меня наняли на утреннюю рыбную ловлю, с тех пор я при них. Но никакой рыбной ловли нет и не было. Так вот, сэр. Он только швырял тарелки, чашки, кружки, стулья, а когда мистер Бобби приносил ему счет, он этот счет рвал и кричал, что мистер Бобби ворюга и негодяй и ни черта не смыслит в рыбной ловле.

– Похоже, тебе попался трудный господин, Луис.

– Мистер Том, да хуже него я никого не видел. Он еще и петь меня заставил. Вы знаете, я пою, как умею, – не так хорошо, как Джози, но иногда у меня выходит лучше обычного. Словом, пою, как могу. Сами знаете. Вы меня слышали. Но он хочет слушать только одну песню – про маму, которая не желает ни гороха, ни риса, ни кокосового масла. И так раз за разом. Это старая песня, мне надоело ее петь, я и говорю: «Сэр, я знаю новые песни – хорошие песни, замечательные. Знаю и старые – например, о гибели Джона Джейкоба Астора на «Титанике», когда корабль столкнулся с айсбергом, и, если пожелаете, могу их спеть вместо песни о горохе и рисе». Все это я произнес очень вежливо, вы же меня знаете. А этот господин в ответ: «Слушай, ты, черномазое отродье, у меня магазинов, фабрик и газет больше, чем у

твоего Джона Джейкоба Астора ночных горшков, и если станешь указывать, что мне слушать, я уж как-нибудь засуну твою пустую голову в один из таких горшков». Тут за меня вступилась его жена: «Дорогой, ну что ты пристал к нему? Он хорошо поет, и я с удовольствием послушаю какие-нибудь новые песенки». А он как рявкнет: «Послушай, ты! Ни он не будет их петь, ни ты не будешь их слушать!» Станный он господин, мистер Том. А жена только сказала: «Ох, дорогой, как с тобой трудно». А я скажу, мистер Том, что новорожденной мартышке легче справиться с дизельным двигателем, чем с этим господином. Простите, что я так разболтался. Я сам не свой. Он так грубо с ней обошелся.

– И что ты теперь для них делаешь, Луис?

– Вот, достал для дамы ракушечный жемчуг.

Во время всего разговора они стояли в тени пальмы, и теперь Луис вытащил из кармана чистую тряпицу и, развернув ее, показал Хадсону с полдюжины блестящих, перламутрово-розовых, мало похожих на жемчужины горошин, какие иногда местные жители находят в раковинах. Томас Хадсон не знал ни одной женщины, за исключением английской королевы Марии, которая обрадовалась бы такому подарку. Конечно, Томас Хадсон не мог претендовать на знакомство с королевой Марией – он знал ее только по фотографиям в газетах, кино, большой статье в «Нью-Йоркере», но тот факт, что ей нравился ракушечный жемчуг, заставлял предположить, что он знает ее больше многих своих знакомых. Королева Мария любила ракушечный жемчуг, и сегодня вечером на острове праздновали ее день рождения, и все же он опасался, что этот жемчуг не успокоит жену буйного господина. Возможно также, что королева Мария только притворялась, что жемчуг ей нравится, желая сделать приятное своим подданным на Багамах.

Они подошли к «Понсе-де-Леон», и Луис сказал: «Его жена плакала, мистер Том. Горько плакала. И тогда я предложил сходить к Рою за ракушечным жемчугом – вдруг она что-то для себя выберет».

– Это может здорово поднять ей настроение, – сказал Томас Хадсон. – Если она любит ракушечный жемчуг.

– Надеюсь, поднимет. Сразу отнесу ей.

Томас Хадсон вошел в бар, там было прохладно, и после слепящего блеска коралловой дороги он казался темноватым. Томас Хадсон выпил джину с тоником, ломтиком лайма и несколькими каплями горькой настойки «Ангостура». Мистер Бобби за стойкой выглядел глубоко несчастным человеком. Четверо чернокожих парней гоняли шары, иногда, когда нужно было провести сложный карамболь, одну сторону приподнимали. Пение наверху прекратилось, и в зале воцарилась тишина, прерываемая только постукиванием шаров. Двое матросов с яхты, стоящей у причала, сидели за стойкой. Постепенно глаза Томаса Хадсона привыкли к освещению, и ему стало прохладно и хорошо. Сверху сошел Луис.

– Буйный господин уснул, – сказал он. – Я оставил жемчужины его жене. Она разглядывает их и плачет.

Хадсон заметил, что матросы с яхты переглянулись, но ничего не сказали. Сам он стоял, держа в руке высокий стакан с приятно-горьковатым напитком, первый глоток которого вызвал в его памяти Тангу, Момбасу и Ламу и все то побережье, и его вдруг охватила внезапная тоска по Африке. Вот он осел здесь, а мог бы сейчас быть в Африке. Черт возьми, одернул он себя, да я в любой момент могу туда поехать. Главное – во внутреннем состоянии. Здесь, на острове, мне хорошо.

– Том, вам правда нравится эта штука? – спросил его Бобби.

– Конечно. Иначе я бы ее не пил.

– Я как-то глотнул из той бутылки – на вкус прямо хина.

– А там действительно есть хина.

– Люди сошли с ума, – сказал Бобби. – Человек может пить все, что пожелает. У него есть на это деньги. Только пей и наслаждайся, но нет, он портит добрый джин, добавляя в него какой-то индийский напиток с хиной.

– Мне нравится. Я люблю сочетание хинина с корочкой лайма. От этого у меня словно поры в желудке раскрываются. От такого коктейля я получаю больше кайфа, чем от чистого джина. После него я хорошо себя чувствую.

– Знаю. От выпивки вам всегда хорошо. А вот мне всегда плохо. А где Роджер?

Роджер, друг Томаса Хадсона, купил себе рыбацкую хижину на другой стороне острова.

– Скоро придет. Мы договорились пообедать с ним и Джонни Гуднером.

– Никак не пойму, почему такие люди, как вы, Роджер Дэвис и Джонни Гуднер, торчат на нашем острове?

– А что, замечательный остров. Вы же здесь живете.

– Я здесь деньги зарабатываю.

– Могли бы зарабатывать в Нассау.

– К черту Нассау! Здесь веселее. На этом острове можно хорошо повеселиться. Да и деньжат здесь некоторые изрядно зарабатывали.

– Мне нравится здесь жить.

– О чем говорить? – сказал Бобби. – И мне тоже. Да вы сами это знаете. Только бы на жизнь хватило. Удастся вам продавать картины, над которыми вы все время трудитесь?

– Сейчас они неплохо продаются.

– Надо же, люди платят деньги за картины, где нарисован дядюшка Эдвард! Или за негров в воде. Или за тех же негров на земле. Или в лодках. Ловцы черепах. Ловцы губок. Шквалы. Смерчи. Тонущие шхуны. Или те шхуны, что только строят. Все это можно увидеть бесплатно. Неужели их покупают?

– Конечно, покупают. Каждый год в Нью-Йорке устраивается выставка, там и продают картины.

– С аукциона?

– Нет. Устроитель выставки сам назначает цену. Люди покупают. Изредка берут музеи.

– А самим можно продавать?

– Ну, конечно, можно.

– Я бы купил у вас картину, где смерч, – сказал Бобби. – Чтоб было до чертиков страшно. И темно, как в аду. А еще лучше даже два смерча, пусть они с ревом несутся над береговой полосой и от их шума уши закладывает. Всасывают воду и пугают людей до смерти. А меня смерч пусть застигнет в ялике за ловлей губок, и я как бы ничего не могу сделать. Вихрь вырывает из рук водомерное стекло. Он чуть ли не поднимает ялик в воздух. Это просто чертово светопреставление! Сколько бы вы взяли за такую картину? Я повесил бы ее прямо здесь. Или дома, если только моя старушка не перепугается до смерти.

– Цена зависит и от размера.

– Здесь решайте сами, – милостиво разрешил Бобби. – Такая картина – чем больше, тем лучше. Пусть будут три смерча. Однажды я видел сразу три смерча – ближе острова Андроса. Они вздымались до небес, а один втянул лодку ловца губок, и когда она упала, мотор насквозь пробил днище.

– Здесь важен размер холста, – сказал Томас Хадсон. – Я возьму деньги только за холст.

– Тогда покупайте, черт подери, холст побольше! – сказал Бобби. – Кто взглянет на наши смерчи, тут же от страха сбежит – и не только из бара, но и с этого острова.

Грандиозность замысла потрясла Бобби, но ему открывались все новые возможности.

– Том, дружище, а могли бы вы нарисовать настоящий ураган? В самом разгаре, когда он, побушевав на одной стороне, перекидывается на другую, где все начинается по новой? И вместить туда все – негров на кокосовых пальмах, выброшенные на берег корабли? Раскачи-

вающуюся гостиницу? Вырванные доски, рассекающие воздух, как гарпуны, и мертвых пеликанов, которых будто принес с собой ливень? Пусть барометр опустится до двадцати семи, а измеритель скорости ветра ураган унесет прочь. Нарисуйте волны в десять саженей и луну, проглядывающую сквозь тучи. И огромный вал, сметающий с пути все живое. Женщин, которых унесло в море с сорванной ветром одеждой. И повсюду мертвые негры, которых море кидает туда-сюда...

– Нужен невероятно большой холст, – сказал Томас Хадсон.

– Плевать на холст! – воскликнул Бобби. – Я вам столько парусины со шхуны притащу! Мы нарисуем чертовски большую картину, такой еще не было в мире, и прославимся. Надо вам кончать с этими малюсенькими картинками!

– Лучше начнем со смерча, – сказал Томас Хадсон.

– Что ж, правильно, – согласился Бобби, с трудом отказываясь от своего величественного проекта. – Это разумно. Но, клянусь Богом, с нашим опытом и вашим талантом мы могли бы создавать замечательные картины.

– Завтра же начну работать над смерчем.

– Прекрасно, – сказал Бобби. – Но это только начало. Ей-богу, хорошо бы нам с вами нарисовать и ураган. Кстати, кто-нибудь изобразил гибель «Титаника»?

– Да, но не в большом масштабе.

– Мы можем и за такое взяться. Это кораблекрушение всегда волновало мое воображение. Вы могли бы передать холодное безразличие айсберга, отходящего в сторону после столкновения с кораблем. Все вокруг в густом тумане. Проработать каждую деталь. Вот, например, мужчина, который садится в одну лодку с женщинами, говоря, что он, как яхтсмен, сумеет им помочь. Нарисуйте, как он, огромный, как бык, лезет в лодку, наступая на женщин. Этот яхтсмен напоминает мне того типа, что спит наверху. Почему бы вам не подняться и не нарисовать его спящим – может, понадобится для картины?

– Думаю, надо все-таки начать со смерча.

– Том, мне хочется, чтобы вы стали *великим* художником, – сказал Бобби. – Бросьте заниматься ерундой. Вы просто растрчиваете себя. Смотрите, всего за полчаса мы задумали три картины, а я еще не задействовал все свое воображение. Вспомните, что вы рисовали до сих пор? Негра, который ловит на берегу черепах. Даже не зеленых, а самых обыкновенных. Или двух негров в ялике с копошащимися лангустами. Зря тратите время, дружище. – Бобби замолчал и, быстро наклонившись, глотнул из стоящей под стойкой бутылки.

– Это не в счет, – сказал он. – И вы ничего такого не видели. Так вот, Том, у нас задуманы три по-настоящему замечательные картины. Великие картины. Мирового класса. Могли бы висеть в Хрустальном дворце⁴ рядом с другими шедеврами. Кроме первой, конечно, – там нет того размаха. А ведь мы еще и не начинали. Не вижу причин, чтоб не написать одну картину вместо всех остальных. Что вы об этом думаете?

Он снова приложился к бутылке.

– И о чем будет картина?

Бобби перегнулся через стойку, чтобы никто их не слышал.

– Не отмахивайтесь от такого замысла, – сказал Бобби. – Пусть вас не пугает его величие. Есть же у вас воображение, Том. Нам под силу изобразить Конец Света. – Он немного помолчал. – В натуральную величину.

– Чтоб мне провалиться! – изумился Томас Хадсон.

– Не провалитесь. Ада еще нет. Он только открывается. Трясуны трясутся в своих церквях на горе и говорят на непонятных языках. Рядом черт цепляет их на вилы и швыряет в

⁴ Хрустальный дворец – огромный выставочный павильон из стекла и чугуна, построенный в Лондоне в 1851 г. Сгорел в 1936 г.

телегу. Они вопят, стонут и вызывают к Иегове. Повсюду валяются негры, а вокруг них и прямо по ним ползают мурены, лобстеры и морские пауки. Здесь же рядом огромный открытый люк, в него черти бросают негров, священников, трясунов и всех прочих, и они исчезают навсегда. Сам остров погружается в воду, а разные акулы – и акула-молот, и макрелевая, и тигровая, и пилоносы – плавают кругами и заглатывают тех, кто пытается улизнуть от вездесущих вил, которыми их загребают и бросают в открытый люк, откуда клубами поднимается пар. Пьяницы пытаются хлебнуть напоследок из бутылок, отбиваясь ими от чертей. Но тем все-таки удастся насадить их на вилы, а если кого и смоеет волной в открытое море, то там он становится добычей китовых акул, больших белых акул, китов-убийц и прочих морских чудищ, которые разрывают несчастных. Торчащая над водой часть острова усеяна собаками и кошками, черти и за ними гоняются с вилами – собаки поджимают хвосты и скулят, а кошки увертываются, царапают с вздыбленной шерстью чертей и в конце концов бросаются в море и плывут прочь. Кто-то из них сталкивается с акулой и тонет, но большинству удастся удрать.

Из люка к этому времени пышет жаром, и черти, обломавшие вилы о некоторых священников, теперь тащат людей волоком. В центре картины стоим мы с вами и спокойно взираем на происходящее. Вы делаете какие-то записи, а я то и дело прикладываюсь к бутылке, иногда предлагая и вам освежиться. Иногда какой-нибудь взмокший от работы черт тащит мимо нас жирного священника, который цепляется за песок, дабы уберечься от адского пламени, и вызывает к Иегове, а черт извиняется перед нами: «Простите, мистер Том. Простите, мистер Бобби. Работы сегодня по горло».

Когда мокрый и грязный от сажи черт бежит за следующим священником, я предлагаю ему выпить, но он вежливо отказывается: «Спасибо, мистер Бобби, но я никогда не пью на работе». Классная картина получится, Том, если нам только удастся передать истинный размах и великолепие.

– Думаю, на сегодня мы потрудились достаточно.

– Да, черт подери, вы правы, – сказал Бобби. – От работы над картиной у меня даже в горле пересохло.

– Был один человек, Босх, у него здорово получались такие картины.

– Инженер, что ли?

– Нет. Иероним Босх. Он жил давно. Очень хороший художник. Питер Брейгель тоже работал в этом духе.

– Тот тоже давно жил?

– Еще как давно. И тоже очень талантливый. Вам бы понравился.

– Вот, черт возьми! – сказал Бобби. – Но этому старику за нами не угнаться. Да и миру еще не пришел конец, откуда ему знать больше нашего?

– Он сильный соперник.

– Ничего не хочу слышать! – протестовал Бобби. – После нашей картины о нем никто и не вспомнит.

– Бобби, нельзя ли повторить?

– О черт. Совсем забыл о своих обязанностях. За королеву, Том! Надо помнить, какой сегодня день. Сейчас нальем и выпьем за ее здоровье!

Он налил себе рому, а Тому передал бутылку джина, лайм на блюде, нож и бутылку «Швепса».

– Сам колдуй над своим напитком. Терпеть не могу эти чертовы смеси.

Томас Хадсон составил коктейль, добавил в него несколько капель горькой настойки из бутылки, в пробке которой торчало перо чайки, поднял стакан и окинул взглядом бар.

– А что пьете вы двое? Назовите, если знаете.

– «Песью голову», – сказал один из матросов.

– Точно – «Песью голову», – подтвердил Бобби и достал им из ящика со льдом две запечатанные бутылки пива. – Только стаканов нет. Были здесь пьяницы – целый день швыряли стаканы куда попало. Ну, у всех налито? За королеву, господа! Не думаю, что ее заботит судьба нашего острова, и не уверен, что ей бы здесь понравилось. Но, господа, эта наша королева! Боже, храни королеву!

Все в баре дружно выпили.

– Замечательная, должно быть, женщина, – сказал Бобби. – Но слишком чопорная, на мой взгляд. Мне всегда больше нравилась королева Александра. Очаровательная женщина. Однако воздадим нашей королеве в ее день рождения подобающие почести. Остров наш маленький, но живут здесь настоящие патриоты. Один из жителей с последней войны вернулся без руки. Разве это не патриотизм!

– Так чей же сегодня день рождения, он говорит? – спросил один матрос.

– Королевы Марии Английской, – ответил Бобби. – Матери нынешнего короля.

– Так это в ее честь назвали корабль? – поинтересовался другой матрос.

– Знаете, Том, – предложил Бобби, – давайте следующий тост будем пить вдвоем.

4

Стемнело. Ветер с моря прогнал комаров и мошек, суда, подняв на борт шлюпки, вошли в гавань и теперь стояли у трех причалов, тянувшихся в море от береговой линии. Наступал отлив. От лющегося с кораблей света вода казалась зеленой, ее засасывало под сваи и закручивало воронкой за кормой большого катера, где собрались мужчины. От обшивки катера отблески света падали на некрашенный настил причала, на который в качестве кранцев подвешивали старые автомобильные шины, а в самой воде привлеченные светом крутились в темном потоке у камней морские шуки – сарганы. Плоские и длинные, они переливались зеленью, как вода, – не ели, не резвились, просто подрагивали хвостами, очарованные светом.

Катер Джонни Гуднера «Нарвал», где хозяин вместе с Томасом Хадсоном ждали Роджера Дэвиса, уткнулся носом в отступающую воду, а к его корме примыкала кормой яхта тех людей, что весь день провели в заведении Бобби. Джонни Гуднер устроился на корме. Он сидел на стуле, положив ноги на другой стул, в правой руке он держал коктейль «Том Коллинз», а в левой – длинный зеленый стручок мексиканского перца.

– Просто чудо, – сказал он. – Внутри все горит от маленького кусочка – но один глоток из стакана, и приходит свежесть.

Гуднер откусил кончик перца, проглотил, выдохнул «ух ты!» сквозь свернутый трубочкой язык и сделал большой глоток из высокого стакана. Полной нижней губой он облизнул типично тонкую для ирландцев верхнюю губу и улыбнулся серыми глазами. Уголки его губ были вздернуты, и потому казалось, что он вот-вот расплывется в улыбке или, напротив, только что улыбнулся, и все же, если не обращать внимание на тонкую полоску верхней губы, ничего понять о нем было нельзя. Глаза – вот на что надо было смотреть в первую очередь. Он был нормального роста и сложения, с легкой тенденцией к полноте, но сейчас, находясь в расслабленном состоянии, когда у большинства мужчин видны все изъяны фигуры, он выглядел замечательно. На загорелом лице выделялся облупившийся нос и лоб, казавшийся больше из-за редющих волос. Шрам на подбородке можно было бы принять за ямочку, будь он ближе к центру, а переносица была слегка приплюснута. Сам нос не был плоским. Казалось, над ним поработал современный скульптор, который, словно работая с камнем, стесал чуточку лишнего.

– Что поддельвал последнее время, Том, бездельник?

– Довольно упорно трудился.

– Как бы не так! – С этими словами Джонни откусил еще кусочек. Сморщенный и подвявший перец был около шести дюймов длиной.

– Жжет только вначале, – сообщил Джонни. – Как и любовь.

– Вот уж нет! Жжет долго.

– А любовь?

– К черту любовь, – сказал Томас Хадсон.

– Сколько эмоций! Какие слова! В кого ты превращаешься? В полоумного овцевода на острове?

– Нет здесь овец, Джонни.

– Тогда в безумного крабовода, – настаивал Джонни. – Мы не хотим, чтобы ты жил здесь в заточении. Попробуй перчика.

– Уже пробовал, – ответил Томас Хадсон.

– Наслышался я о твоём прошлом, – сказал Джонни. – Не пудри мне мозги, рассказывая о славных приключениях. Может, ты все выдумал. Знаю-знаю... Может, ты вообще первый привел всех в Патагонию верхом на яках. Но я современный человек. Послушай, Томми. Я ел перцы, начиненные лососем. Начиненные треской. Чилийским тунцом. Грудкой мексиканского голубя. Индюшатиной и мясом крота. Чем только не фаршируют эти перцы, и я все перепробовал. Чувствовал себя при этом, черт возьми, чуть ли не властелином мира. Но все это извращения. Нет ничего лучше вот этого длинного, вялого, неприглядного, ничем не фаршированного старого перца с соусом из чупанго.

Вот черт, – выдохнул он снова сквозь сложенный трубочкой язык. – Слишком много откусил.

На этот раз Джонни основательно приложился к «Тому Коллинзу».

– Лишний повод выпить, – объяснил он. – Жжет, собака, надо охладить чертову глотку.

А ты что будешь?

– Пожалуй, опять джин с тоником.

– Эй, бой! – крикнул Джонни. – Один джин с тоником для господина.

Нанятый капитаном местный юноша, по имени Фред, принес спиртное.

– Пожалуйста, мистер Том.

– Спасибо, Фред, – поблагодарил Томас Хадсон юношу. – Боже, храни королеву, – и приятели выпили.

– А где наш старый греховодник?

– У себя дома. Скоро придет.

Джонни пожевал еще один стручок – теперь уже без комментариев, допил спиртное и спросил:

– Ну а на самом деле как ты тут, старик?

– Нормально, – ответил Томас Хадсон. – Я привык жить один и много работаю.

– И тебе здесь нравится? Я имею в виду – жить постоянно?

– Ты знаешь, да. Устал мотаться по свету. Лучше уж здесь. Мне здесь неплохо, Джонни. Совсем неплохо.

– Хорошее место, – согласился Джонни. – Хорошее – для парней вроде тебя, с богатым внутренним содержанием. А для такого, как я, который сам не знает, чего хочет, тут погибель. Скажи, правда, что Роджер подался в красные?

– А что, уже пошли слухи?

– На материке говорили об этом.

– Что все-таки там случилось?

– Всего я не знаю. Но что-то плохое.

– Действительно плохое?

– Рассказывают всякое. Знаешь, у них свои представления. Это не растление несовершеннолетней, если ты об этом. Просто в райском климате, при обилии свежих овощей и прочего, все развиваются не хуже их здоровенных футболистов. Девчонки в пятнадцать выглядят

на все двадцать четыре. А в двадцать четыре они уже как Мэй Уитти⁵. Если у тебя нет намерения жениться, внимательно смотри на их зубы. Впрочем, и по зубам ничего не поймешь. И у всех есть отцы и матери или кто-то один, и каждый хочет кушать. Такой климат пробуждает зверский аппетит. Все несчастье в том, что иногда просто голову сносит – нет, чтобы посмотреть ее водительские права или карточку социального страхования. Стоило бы вместо возраста судить по данным о росте, весе и вообще по тому, на что они годятся. Иначе творится много несправедливости. По отношению ко всем. Вот в спорте преждевременное развитие не называется. Совсем наоборот. Привлечение юниоров даже поощряется. Как и в скачках. Меня тут по этому делу даже упекли в кутузку. Но старину Роджера застукали на другом.

– Так на чем же меня застукали? – раздался голос Роджера Дэвиса.

В туфлях на мягкой подошве он беззвучно спрыгнул с причала на палубу и теперь стоял перед друзьями в спортивной фуфайке размера на три больше нужного, отчего казался просто огромным, и в узких стареньких джинсах.

– Привет! – сказал Джонни. – Не слышал, чтобы ты постучал. Я говорил Тому: за что тебя прищучили – не знаю, но явно не за растление.

– Понятно, – сказал Роджер. – Давайте сменим тему.

– Не дави на нас, – осадил его Джонни.

– Я и не думал давить, – сказал Роджер. – Просто вежливо попросил. На этой посудине пьют? – Он взглянул на шхуну, примыкавшую к ним кормой. – А это кто?

– Те, что гудели в «Понсе». Разве не слышал об их подвигах?

– Вот оно как! – сказал Роджер. – И все же выпьем, несмотря на такой плохой пример.

– Эй, бой! – позвал Джонни.

Фред вышел из каюты:

– Да, сэр.

– Выясни, чего желают эти сагибы?

– Что прикажете, господа? – спросил Фред.

– Мне того же, что и мистеру Тому, – сказал Роджер. – Он мой наставник и консультант.

– Много в этом году мальчиков в лагере? – спросил Джонни.

– Всего двое, – ответил Роджер. – Мы с наставником.

– Надо говорить: я и наставник, – привязался Джонни. – Как, черт подери, ты еще умудряешься книжки писать?

– Всегда можно нанять редактора.

– Или получить его даром, – сказал Джонни. – Я тут поговорил с твоим наставником.

– Наставник говорит, что счастлив и всем доволен. И останется здесь надолго.

– Пришел бы, посмотрел, как мы живем, – сказал Том. – Иногда он отпускает меня пропустить рюмку-другую.

– А как с женщинами?

– Никаких женщин.

– Чем же вы, ребята, занимаетесь?

– У меня весь день занят.

– Но ты и раньше здесь бывал? Что делал тогда?

– Купался, ел, пил, работал, читал, разговаривал, читал, рыбачил, опять рыбачил, купался, выпивал, спал...

– И никаких женщин?

– Говорю же – никаких.

– Мне это кажется нездоровым. Вредная какая-то атмосфера. А опиума много курите?

– Что скажешь, Том? – спросил Роджер.

⁵ Мэй Уитти (1865–1948) – британская актриса; в эти годы перешла на возрастные роли.

- Только самый лучший сорт, – ответил Томас Хадсон.
- А марихуана хорошая уродилась?
- Как, Том? – опять спросил Роджер.
- Плохой год выдался, – сказал Томас Хадсон. – Дожди все к чертовой матери залили.
- Все выглядит не очень привлекательно. – Джонни выпил. – Хорошо только то, что вы еще пьете. А не увлеклись ли вы, ребята, религией? Не снизошло ли на Тома откровение?
- Как, Том?
- В отношениях с Богом никаких перемен, – сказал Томас Хадсон.
- Значит, отношения теплые?
- Мы люди терпимые, – сказал Томас Хадсон. – Упражняйся в какой хочешь религии. В глубине острова есть бейсбольное поле – упражняйся там, сколько хочешь.
- Я пошлю боженьке отличный пас, если он вовремя добежит до «дома», – сказал Роджер.
- Роджер, – с упреком начал Джонни, – уже темнеет. Разве не видишь, что сгущаются сумерки и приходит тьма? Ты ведь писатель. Нехорошо так легкомысленно говорить о Боге после наступления темноты. Кто знает – вдруг он стоит за твоей спиной с занесенной битой.
- До «дома» он точно добежит, – сказал Роджер. – Я видел Его в деле.
- Конечно, сэр, – съязвил Джонни. – И, получив твой «отличный пас», в ответ вышибет тебе мозги. Я тоже видел Его в деле.
- Верю, что видел, – согласился Роджер. – Мы с Томом тоже видели. Но я все-таки постараюсь.
- Давайте покончим с богословскими спорами, – сказал Джонни. – И что-нибудь поедим.
- Этот старикан, которому ты доверяешь управление своей посудиною, еще не разучился стряпать? – спросил Томас Хадсон.
- Будет густой суп из морепродуктов, – сказал Джонни. – И еще ржанка с коричневым рисом. Золотистая ржанка.
- У тебя словарь дизайнера по интерьерам, – сказал Том. – Разве ржанка бывает в это время золотистой? Где ты подстрелил этих ржанок?
- На Южном острове. Мы бросили там якорь – захотелось искупаться. Я свистом дважды поднимал стаю и всякий раз стрелял. На обед – по две на каждого.
- Был прекрасный вечер. После ужина мужчины расположились на корме, пили кофе, курили сигары, к ним присоединились еще двое бездельников с другого катера, они принесли гитару и банджо. На причале собрались негры, время от времени они затягивали какую-нибудь песню. Кто-то запевал в темноте, Фред Уилсон – тот, что принес гитару, – подтягивал, а Фрэнк Харт подыгрывал на банджо. Томас Хадсон не умел петь, поэтому он сидел в темноте, откинувшись на спинку стула, и слушал.
- У Бобби веселились вовсю, из открытой двери лился яркий свет, его блики плясали на воде. Отлив продолжался, и в отраженном свете было видно, как прыгает рыба. Том подумал, что в основном это рифовые окуни, которые во время отлива лакомятся мелкой рыбешкой. Несколько чернокожих мальчишек ловили рыбу самодельными удочками, Том слышал, как они болтают между собой, а упустив рыбу, переругиваются, и слышал, как шлепаются о деревянный настил пойманные окуни. Среди них попадались крупные экземпляры, мальчишки ловили их на мякоть марлина, которого рано утром привезли на одном из катеров и успели сфотографировать, взвесить и разделать.
- К этому времени на причале уже собралась большая толпа из желающих послушать пение и поучаствовать в веселье, и Руперт Пиндер – огромный негр, мечтавший стать борцом, про которого говорили, что он без всякой помощи дотащил пианино с Правительственного причала к старому клубу, снесенному впоследствии ураганом, – громко выкрикнул:
 - Эй, капитан Джон, ребята говорят, у них глотки пересохли!
 - Купи им что-нибудь недорогое и полезное для здоровья.

– Так точно, капитан Джон. Рому.

– Так я и думал. Бери сразу бутылъ – дешевле будет.

– Большое спасибо, капитан Джон, – сказал Руперт и двинулся сквозь толпу, которая расступалась, пропуская его, и тут же снова смыкалась за его спиной. Томас Хадсон видел, как все они направились в кабачок Роя.

В это время с одного из катеров, стоявших у причала Брауна, со свистом взлетела в воздух ракета и с треском разорвалась, осветив фарватер. Другая – с шипением взлетела под углом и на этот раз разорвалась над ближним концом их причала.

– Вот черт побери! – воскликнул Фред Уилсон. – Надо было и нам послать в Майами за ракетами.

Вспышки свистящих и хлопающих ракет превратили ночь в день. Руперт с друзьями вернулись на причал, гигант нес на плече большую оплетенную бутылъ.

Посланная с одного из катеров ракета взорвалась прямо над причалом, осветив толпу, черные лица, шеи и руки, плоское лицо Руперта, его могучие плечи, бычью шею и оплетенную бутылъ, с горделивой нежностью прижатую к его голове.

– Кружки, – бросил он через плечо своей свите. – Нужны эмалированные кружки.

– Есть жестяные, – сказал один из парней.

– Нет, только эмалированные, – настаивал Руперт. – Достаньте их. Купите у Роя. Вот деньги.

– Возьми нашу ракетницу, Фрэнк, – сказал Фред Уилсон. – Выпустим те патроны, что остались, и набьем новые.

Пока Руперт важно ждал, когда принесут кружки, кто-то раздобыл кастрюлю. Руперт налил в нее рому и пустил по кругу.

– За простых людей, – провозгласил Руперт. – Пейте вы, простецы!

Пение продолжалось, но прежнего лада уже не было. Теперь с катеров пускали не только ракеты, но еще палили из ружей и пистолетов, а с причала Брауна над заливом прогремел трассирующий автоматный огонь. Сначала шли очереди по три-четыре пули, а потом, когда разрядили всю обойму, над гаванью зажглась красивая арка из красных трассирующих пуль.

Кружки принесли в тот момент, когда Фрэнк Харт спрыгнул на корму с ракетницей и пачкой патронов, и один из помощников Руперта стал разливать ром и раздавать всем по очереди.

– Боже, храни королеву! – сказал Фрэнк Харт и, вставив патрон в ракетницу, пальнул прямо в открытые двери бара мистера Бобби. Патрон ударил в бетонную стену рядом с дверью, разорвался и, ярко вспыхнув, осветил белым огнем коралловую дорогу и все вокруг.

– Полегче, – сказал Томас Хадсон. – Так можно людей покалечить.

– Да пошел ты! – ответил Фрэнк. – А вот сейчас посмотрим, попаду ли я в дом Комиссара.

– Смотри – не спали, – предупредил Роджер.

– Спалю – выложу за него денежки.

Ракета, описав дугу, не долетела до большого дома Комиссара, упала и ярко вспыхнула рядом с белой верандой.

– Ну что, комиссар, старина! – Фрэнк перезарядил ракетницу. – Покажем тебе, ублюдку, какие мы патриоты!

– Успокойся, Фрэнк, – сказал Том. – Не надо перегибать палку.

– Сегодня моя ночь, – заявил Фрэнк. – Моя и Королевы! Не мешай мне, Том, сейчас я разнесу причал Брауна.

– Там бензин, – сказал Роджер.

– Скоро не будет.

Трудно было сказать, играл он на нервах Роджера и Томаса Хадсона, когда мазал, или действительно ему не везло. Ни Роджер, ни Томас Хадсон этого понять не могли, но оба знали, что из ракетницы трудно стрелять точно. А на причале был бензин.

Фрэнк встал, тщательно прицелился, держа левую руку вдоль туловища, как дуэлянт, и выстрелил. Ракета попала в причал, но в противоположный конец от того места, где стояли баки с бензином, и срикошетила в воду.

– Эй, там! – крикнули с одного из катеров, стоящих у причала Брауна. – Какого черта! Вы что, с ума посходили?

– Почти попал, – сказал Фрэнк. – А теперь снова пальну по Комиссару.

– Да перестань ты, черт возьми! – сказал Томас Хадсон.

– Руперт, – позвал Фрэнк, не обращая внимания на слова Томаса Хадсона. – Дай-ка хлебнуть!

– Хорошо, капитан Фрэнк, – отозвался Руперт. – Кружка у вас есть, сэр?

– Принеси кружку, – сказал Фрэнк стоявшему рядом Фреду.

– Слушаюсь, мистер Фрэнк.

Фред соскочил вниз и вернулся с кружкой. Его лицо сияло от восторга и удовольствия.

– Вы хотите поджечь дом Комиссара, мистер Фрэнк?

– Если тот загорится, – ответил Фрэнк.

Он протянул кружку Руперту, тот наполнил ее на три четверти и вернул Фрэнку.

– За королеву, храни ее Господь! – и Фрэнк осушил кружку.

Зрелище не для слабонервных – такую большую порцию рома и одним глотком!

– Храни ее, Боже! Храни ее, Боже, капитан Фрэнк! – торжественно провозгласил Руперт, за ним отозвались и остальные: «Храни ее, Боже! Храни ее!»

– Теперь очередь Комиссара! – сказал Фрэнк. Он выстрелил из ракетницы прямо вверх, немного по ветру. Ракета была парашютная, и ветер отнес яркий светящийся шар за корму катера.

– На этот раз вы в Комиссара точно не попали, – сказал Руперт. – Что с вами, капитан Фрэнк?

– Хотелось залить светом этот прекрасный пейзаж, – ответил Фрэнк. – Комиссар никуда не уйдет.

– Хорошо бы его подпалить, – сказал Руперт. – Не хочу на вас давить, но на острове дождей два месяца не было, и дом Комиссара вспыхнет, как спичка.

– А где констебль?

– Констебль предпочитает ни во что не вмешиваться, – ответил Руперт. – Не берите в голову. Если выстрел раздастся, никто на пристани этого не заметит.

– Все мы ляжем ничком и ничего не увидим, – раздался голос из толпы. – Ничего не слышим. Ничего не видим.

– Сейчас дам команду, и все отвернутся, – подначивал Руперт. – Сухое дерево вспыхнет, как трут, – прибавил он ободряюще.

– А ну-ка, покажите, на что вы способны, – сказал Фрэнк.

Он вновь выстрелил парашютной ракетой. В ослепительном свете падающей ракеты было видно, как все на палубе лежат лицом вниз или стоят на четвереньках, зажмурив глаза.

– Храни вас Бог, капитан Фрэнк, – раздался из темноты, когда вспышка угасла, низкий, торжественный голос Руперта. – Да пошлет Он вам в своей неизреченной милости смелость поджечь дом Комиссара.

– А где его жена и дети? – спросил Фрэнк.

– Мы их спасем. Не волнуйтесь, – успокоил его Руперт. – Без вины никто не пострадает.

– Так подпалим его? – обратился Фрэнк к сидящим на корме.

– Да успокойся ты наконец, – сказал Томас Хадсон.

– Завтра утром меня здесь не будет, – объявил Фрэнк. – Так что я вне подозрений.
– Давайте спалим подлеца, – сказал Фред Уилсон. – Похоже, местные это одобряют.
– Сожжем, капитан Фрэнк. Сожжем его, – поддержал Руперт. – Что скажете? – обратился он к остальным.

– Сожжем, сожжем. Пошли вам Бог силы сжечь его дом, – хором заговорили парни на причале.

– Никто не возражает? – спросил Фрэнк.

– Никто, капитан Фрэнк. Никто ничего не видит. Никто ничего не слышит. Никто рта не раскрывает. Спалите его.

– Нужно немного попрактиковаться, – сказал Фрэнк.

– Если действительно намерен его поджечь, сваливай, черт возьми, с нашего катера, – сказал Джонни.

Фрэнк взглянул на него и покачал головой, но так, что ни Роджер, ни парни на причале ничего не видели.

– Считайте, что от него только пепел остался, – успокоил негров Фрэнк. – Ну-ка плесни мне еще, Руперт, для укрепления духа.

И он протянул кружку.

– Капитан Фрэнк. – Руперт подался вперед и продолжил: – Этот поступок прославит вас. На причале негры затянули новую песню:

Капитан Фрэнк в гавани,
Значит, ночью повеселимся!

После паузы – немного выше...

Капитан Фрэнк в гавани,
Значит, ночью повеселимся!

Вторую строчку пропели четко, словно били в барабан. А потом продолжили:

Комиссар назвал Руперта псом черномазым,
Выстрел – и капитан Фрэнк сжег его дом дотла.

Потом они перешли на старые африканские ритмы, которые четверо на катере слышали у негров, тянувших канаты на паромах через реки, разделявшие Момбасу, Малинди и Ламу⁶. Негры дружно тянули канаты и пели тут же сочиненные песни, подсмеиваясь в них над белыми пассажирами парома.

Капитан Фрэнк в гавани,
Значит, ночью повеселимся.
Капитан Фрэнк в гавани.

Дерзкий, оскорбительный отчаянный вызов звучал в минорной мелодии. А затем – как барабанная дробь:

Значит, ночью повеселимся.

⁶ Города в Кении.

– Слышите, капитан Фрэнк? – склонился над кокпитом Руперт. – Вы еще ничего не сделали, а о вас уже песню поют.

– Кое-что я уже сделал, – сказал Фрэнк Томасу Хадсону. – Стрельну-ка еще разок для тренировки, – сообщил он Руперту.

– Тренировка – то, что надо, – радостно поддержал Руперт.

– Капитан Фрэнк тренируется, чтобы убивать, – кто-то сказал на причале.

– Капитан Фрэнк страшнее дикого кабана, – поддержал другой.

– Капитан Фрэнк – настоящий мужчина.

– Руперт, – попросил Фрэнк, – плесни-ка еще. Это не для храбрости, а чтоб рука не дрожала.

– Сам Господь направит вашу руку, капитан Фрэнк. – Руперт подал ему кружку. – Ну-ка, ребята, спойте про капитана Фрэнка.

Фрэнк осушил кружку.

– Итак, последняя репетиция, – сказал он и выстрелил – парашютная ракета перелетела через соседнюю яхту, задела бочки с бензином и упала в воду.

– Сукин ты сын, – тихо сказал ему Томас Хадсон.

– Помолчи, ханжа, – ответил Фрэнк. – Это мой звездный час.

И вот тогда на палубе соседней яхты показался мужчина в одних пижамных штанах с голым торсом и заорал:

– Эй вы, свиньи! Кончайте это дело! Из-за вас дама не может заснуть!

– Дама? – заинтересовался Уилсон.

– Да, черт вас возьми, дама! – ответил мужчина. – Моя жена. А вы, ублюдки, палите из ракетниц и не даете ей спать. Да и другим тоже.

– Дайте ей снотворное, – посоветовал Фрэнк. – Руперт, пошли кого-нибудь за снотворным.

– Вот что я скажу, приятель, – сказал Уилсон. – Надо вести себя как полагается хорошему супругу. Глядишь, она бы и заснула. Может быть, вы ее не удовлетворили. Может быть, она из-за этого расстроена. Моей жене психоаналитик всегда так говорит.

Фрэнк и Фред никогда не отличались хорошими манерами, и в данном случае Фрэнк вообще был кругом не прав, но пьянствовавший весь день мужчина в пижаме с самого начала взял неправильный тон. Джонни, Роджер и Томас не проронили ни слова. А эти двое с того момента, как мужчина нарисовался на палубе с криком «свиньи!», вели себя дружно, как давно сыгравшиеся игроки в бейсбол.

– Грязные свиньи! – продолжал мужчина. Видимо, словарный запас его был невелик. Ему было лет тридцать пять – сорок – точнее возраст определить было трудно, хотя мужчина и включил на палубе свет. После всех историй, которые о нем весь день рассказывали, Томас Хадсон думал, что у мужчины будет тот еще вид, но он выглядел вполне прилично. Наверное, успел поспать, подумал Томас Хадсон. А потом вспомнил, что дебошир заснул еще у Бобби.

– Я бы рекомендовал нембутал, – доверительно посоветовал Фрэнк. – Если у вашей жены нет на него аллергии.

– Непонятно, чем она недовольна, – сказал Фред Уилсон. – На вид вы довольно крепкий мужичок. И в великолепной форме. Готов поклясться, вы гроза теннисного клуба. Скажите, во сколько вам обходится поддерживать такую форму? Глянь-ка, Фрэнк! Видал ты когда-нибудь такой дорогостоящий торс?

– Только вы ошиблись, дружище, – сказал Фрэнк. – Не ту часть пижамы оставили на себе. Клянусь, никогда раньше не видел мужчину в одних пижамных штанах. Неужели вы и в постель в них ложитесь?

– Утомонитесь вы, наконец, свиньи паршивые, чтобы леди могла заснуть! – рявкнул мужчина.

– А не спуститься ли вам в каюту, – предложил Фрэнк. – А то как бы не схлопотать пошлее за такие выражения. Ведь рядышком нет шофера. Это он отвозит вас в школу?

– Да не ходит он в школу, Фрэнк, – сказал Фред Уилсон, отставляя гитару в сторону. – Он большой мальчик. Бизнесмен. Неужели не видишь, что он ворочает крупными делами?

– Так ты бизнесмен, сынок? – спросил Фрэнк. – Тогда должен догадаться, что выгоднее всего тебе спуститься в каюту. Здесь все равно ничего хорошего не обломится.

– Он прав, – подтвердил Фред Уилсон. – Здесь у тебя нет будущего. Иди-ка лучше в каюту. А к шуму постепенно привыкнешь.

– Свины паршивые, – сказал мужчина, переводя взгляд с одного на другого.

– А ну-ка, красавчик, топай вниз, – сказал Уилсон. – Верю, на этот раз ты усыпишь свою женушку.

– Свины вы, – повторил мужчина. – Паршивые свиньи.

– Ты что, слов других не знаешь? Придумай что-нибудь новенькое, – поморщился Фрэнк. – Все «свины» и «свиньи» – надоело, право. Иди вниз, пока не простудился. Будь у меня такой потрясающий торс, я не подставлял бы его под ветер.

Мужчина внимательно осмотрел их, словно хотел запомнить.

– Ты нас не забудешь, – сказал Фрэнк. – А если вдруг забудешь, так я напомним тебе при встрече.

– Подонки, – огрызнулся мужчина и пошел в каюту.

– Кто он такой? – спросил Джонни Гуднер. – Где-то я его уже видел.

– Я его знаю, и он меня знает, – сказал Фрэнк. – Не человек, а последняя дрянь.

– Ты что, не помнишь, кто он такой? – переспросил Джонни.

– Ничтожество – вот кто, – ответил Фрэнк. – Какая разница, кто он, если он не человек, а полное ничтожество?

– Пожалуй, никакой, – согласился Томас Хадсон. – Но вы, двое, здорово на него насели.

– А как еще обращаться с таким ничтожеством? И почему насели? Мы не так уж грубо с ним обошлись.

– Свою антипатию вы показали довольно открыто, – сказал Томас Хадсон.

– Мне послышался собачий лай, – сказал Роджер. – Выстрелы и вспышки могли испугать его собаку. Хватит резвиться с ракетами. Я знаю, вы развлекаетесь, Фрэнк. Вам все сходит с рук, пока ничего плохого не произошло. Но зачем пугать несчастную собаку?

– Да это его жена лает, – весело заявил Фрэнк. – Пальнуть, что ли, в его каюту и посмотреть при свете ракеты, чем они там занимаются.

– С меня хватит! Я ухожу! – сказал Роджер. – Ваши шуточки мне не по душе. Мне не смешно, когда выпендриваются на автомобилях. Мне не смешно, когда самолетом управляет пьяный летчик. И мне не смешно, когда пугают собак.

– А вас тут никто не держит, – сказал Фрэнк. – За последнее время вы всем порядком надоели.

– Вот как?

– А вы как думали! Вы с Томом оба стали ханжами. Не даете людям повеселиться. Исправились, видите ли! Сами успели в жизни взять свое. А другим нельзя. Очень уж сознательными стали.

– Так это, выходит, я из-за сознательности не хочу, чтобы вы подожгли причал Брауна?

– Точно. Просто она так у вас проявляется. В особо дрянной форме. Слышали мы, что вы вытворяли на материке.

– Шел бы ты со своей пушкой развлекаться в другое место, – посоветовал Джонни Гуднер. – Мы хорошо проводили время, пока ты не заварил эту кашу.

– И вы туда же, – обозлился Фрэнк.

– Послушай, полегче на поворотах, – предостерег его Роджер.

– Я здесь единственный, кто еще любит повеселиться, – сказал Фрэнк. – А вы все великовозрастные ханжи и лицемеры...

– Капитан Фрэнк, – склонился над бортом причала Руперт.

– Руперт – мой единственный друг, – поднял голову Фрэнк. – Что надо, Руперт?

– Как насчет Комиссара, капитан Фрэнк?

– Мы спалим его дотла, старина Руперт.

– Храни вас Бог, капитан Фрэнк, – сказал Руперт. – Хотите еще рому?

– Мне и так неплохо, – ответил Фрэнк. – Все лежат?

– Ложись! – скомандовал Руперт. – И не шевелиться.

Фрэнк выстрелил за пределы пристани, и ракета, осветив гравиевую дорожку у веранды дома Комиссара, там же и сгорела. Негры на пристани заохали.

– Вот, черт! – воскликнул Руперт. – Почти попала. Не повезло. Еще разок, капитан Фрэнк.

На соседней яхте загорелся свет, и на палубу снова вышел ее хозяин. На этот раз он надел белые полотняные брюки, белую рубашку и спортивные туфли. Он был гладко причесан, на покрасневшем лице расплылись белые пятна. Ближе всех, спиной к нему, сидел Джон, рядом с мрачным видом расположился Роджер. Между палубами было фута три воды. Мужчина с яхты уставил палец на Роджера.

– Ты, скотина! – сказал он. – Грязная скотина!

Роджер посмотрел на него с удивлением.

– Ведь ты меня имеешь в виду? – крикнул Фрэнк. – Тогда не «скотина», а «свинья».

Не обращая на него внимания, мужчина продолжал обзывать Роджера.

– Жирная скотина! – Мужчина почти задыхался от злобы. – Жулик! Плут! Гнусный писака и никудышный мазила.

– К кому вы обращаетесь? Что вам надо? – Роджер поднялся с места.

– К тебе, скотина! К тебе, жулик и трус! Скотина! Ну, какая же ты скотина!

– Вы сумасшедший, – спокойно сказал Роджер.

– Вот скотина! – повторил яхтсмен. Разделявшее мужчин водное пространство было чем-то вроде рва, заменившего в современном зоопарке клетку, и теперь посетители могут безнаказанно дразнить зверей. – Жулик!

– Это он мне! – радостно сказал Фрэнк. – Ты что, не признал меня? Еще обзывал свиньей.

– Нет – ему! – Мужчина указал пальцем на Роджера. – Он жулик!

– Послушайте, – сказал ему Роджер. – Вы ведь специально это говорите. Ругаетесь, чтобы потом в Нью-Йорке хвастаться, что посмели мне такое сказать.

Роджер произнес эти слова спокойно и убедительно, словно надеялся, что мужчина поймет его и замолчит.

– Скотина! – орал яхтсмен, все более распаляясь, он уже довел себя до настоящей истерики, ради которой и переоделся. – Гнусная, грязная скотина!

– Вы ведь это не для меня говорите, – очень спокойно повторил Роджер, и Томас Хадсон понял, что задумал его друг. – Лучше заткнитесь. А если действительно хотите поговорить, поднимайтесь на причал.

Роджер направился к причалу, и мужчина, как ни удивительно, тоже довольно резво полез туда же. Ничего другого ему не оставалось – он раззадорил себя руганью до крайности. Негры отступили назад, оставив им достаточно большой круг для драки.

Томас Хадсон не понимал, на что этот человек рассчитывает, поднимаясь на причал. Все молчали, мужчину окружали одни черные лица, он замахнулся на Роджера, но тот нанес ему левой сильный удар в подбородок, и из губы пошла кровь. Яхтсмен предпринял новую попытку замахнуться, и тогда Роджер ответил двойным хуком по правому глазу. Мужчина

сделал захват, но Роджер ударил его в живот так сильно, что порвал свою спортивную рубашку, а потом, оттолкнув, вмазал ему по лицу тыльной стороной открытой левой.

Никто из негров не произнес ни слова. Они стояли, все так же широко окружив дерущихся мужчин. Кто-то зажег на причале фонарь – Том решил, что это Фред, бой Джона, – и вся сцена осветилась.

Роджер кинулся на яхтсмена и нанес ему три мощных удара в откинутую голову. Мужчина снова вошел в клинч, и Роджер опять оттолкнул его, порвав рубашку еще больше и дважды съездив наглеца по зубам.

– Хватит бить левой! – крикнул Фрэнк. – Вмажь правой! Кончай этого сукиного сына!

– Ну, хочешь еще что-нибудь мне сказать? – спросил Роджер мужчину и заехал хуком по зубам. Рот мужчины сильно кровоточил, правая сторона лица вспухла, а правый глаз почти закрылся.

Яхтсмен грузно навалился на Роджера, и тот удержал его от падения. Мужчина тяжело дышал и не произносил ни слова. Роджер держал его за локти, и Том видел, как друг поглаживает большими пальцами сухожилия между бицепсами и предплечьем.

– Хватит заливать меня кровищей, подонок, – сказал Роджер и, замахнувшись, быстрым и сильным ударом откинул голову мужчины назад и снова врезал ему по лицу тыльной стороной руки.

– Теперь заказывай новый нос, – сказал он.

– Врежь ему, Роджер! Кончай с ним! – чуть ли не умолял его Фрэнк.

– Болван, ты разве не видишь, что он творит? – укоризненно произнес Фред Уилсон. – Он же его убивает.

Яхтсмен вцепился в Роберта, но тот оттолкнул его.

– Ну, бей, – говорил он. – Ударь меня! Валяй!

Мужчина сделал попытку замахнуться, но Роджер уклонился и вошел с ним в клинч.

– Как тебя зовут? – спросил Роджер.

Мужчина не ответил, он только тяжело дышал, как умирающий астматик.

Роджер и в этот раз держал его за локти, нажимая большими пальцами на сухожилия.

– А ты сильный, сукин сын! – сказал он мужчине. – Но, черт подери, откуда ты взял, что умеешь драться?

Мужчина слабо замахнулся, но Роджер перехватил его, притянул к себе и два раза залепил ему по уху правым кулаком, отчего тот отлетел в сторону.

– Теперь понял, что нечего лезть к посторонним людям с разговорами? – спросил его Роджер.

– Только взгляните на его ухо, – восхитился Руперт. – Прямо виноградная гроздь.

А Роджер в очередной раз держал яхтсмена за локти, надавливая на сухожилия у бицепсов. Томас Хадсон внимательно следил за лицом мужчины. Поначалу на нем не было следов страха – просто паскудная морда, вылитый боров. Но теперь он был смертельно испуган. Наверное, он никогда не слышал о боях без правил. Возможно, в его подсознании всплыли воспоминания о прочитанных историях, где упавших забивают до смерти. И поэтому он старался изо всех сил держаться на ногах. Каждый раз, когда Роджер предлагал ему нападать или отшвыривал от себя, мужчина старался нанести удар. Он не сдавался.

Роджер в очередной раз оттолкнул его. Мужчина стоял и смотрел на своего мучителя. Сейчас, когда Роджер не сжимал мертвой хваткой его локти, делая абсолютно беспомощным, страх немного отступил, его место заняла прежняя подлость. Он стоял испуганный, жестоко измолоченный, с разбитым лицом и кровоточащим ртом, ухо его напоминало перезревшую фигу из-за мелких кровоизлияний, слившихся в большую гематому. Но сейчас он не чувствовал цепких рук Роджера, и потому страх поубавился, а неистребимая подлость взыграла снова.

– Хочешь что-то сказать? – спросил Роджер.

– Грязная скотина! – сказав это, мужчина прижал подбородок к груди, поднял кулаки и встал боком с видом задиристого мальчишки.

– Ну, готовься! – крикнул Руперт. – Теперь тебе конец!

Но ничего драматичного или поучительного не последовало. Роджер быстро шагнул к мужчине, занес левое плечо и нанес тому правой рукой снизу мощный боковой удар по голове. Яхтсмен упал на четвереньки, уткнувшись лбом в деревянный настил. Некоторое время он не отрывал головы от досок, а потом медленно повалился на бок. Посмотрев на него, Роджер направился к краю причала и спрыгнул на палубу катера.

Матросы понесли хозяина на яхту. Они не вмешивались в драку, но теперь подняли его с настила, где тот лежал на боку, и потащили на борт как провисший мешок. Кое-кто из негров помог им перекинуть его на палубу и занести в каюту. Дверь за ним закрылась.

– Ему нужен врач, – сказал Томас Хадсон.

– Он не сильно ударился о доски, – возразил Роджер. – Я больше беспокоился за причал.

– Не думаю, что последний боковой удар пойдет ему на пользу, – сказал Джонни Гуднер.

– Вы все лицо ему разнесли, – сказал Фрэнк. – А уж ухо! Оно росло прямо на глазах. Сначала как гроздь винограда, а потом как зрелый апельсин.

– Кулаки – опасная вещь, – подтвердил Роджер. – Люди даже понятия не имеют, что они могут натворить. Хорошо бы больше никогда не видеть этого подонка.

– Если увидите – сразу признаете.

– Надеюсь, он очухается, – сказал Роджер.

– А вы были на высоте, – восторженно произнес Фред.

– Ну их к черту, эти драки, – сказал Роджер. – Надо же было этому случиться.

– Джентльмен сам нарывался, – уточнил Фред.

– Да прекратите вы волноваться, – сказал Фрэнк Роджеру. – Я видел сотни тех, про которых думали, что они отбросили коньки. Ничего с ним не будет.

Негры на причале понемногу расходились, обсуждая драку. Их смутил вид белого мужчины, когда его вносили на борт яхты, и у них пропала всякая охота поджечь дом Комиссара.

– Спокойной ночи, капитан Фрэнк, – сказал Руперт.

– Отчаливаешь? – спросил его Фрэнк.

– Хотим пойти взглянуть, что делается у мистера Бобби.

– Хорошего вечера, Руперт, – пожелал ему Фрэнк. – Завтра увидимся.

Роджеру было худо, левый кулак распух и по размерам не уступал крупному грейпфруту. Правый тоже разнесло, но не так сильно. Кроме этого, ничего не указывало на его недавнее участие в драке – разве что оторванный ворот рубашки, болтавшийся на груди. Да еще небольшая шишка на голове от единственного удара противника. Разбитые и ободранные костяшки его пальцев Джон смазал ртутью. Роджер даже не взглянул на свои руки.

– Что ж, пойдем тоже к Бобби, может, повеселимся, – сказал Фрэнк.

– Не огорчайтесь, Родж, выкиньте все из головы, – сказал Фред Уилсон и взобрался на причал. – Оставьте это молокососам.

Приятель – один с гитарой, другой с банджо – пошли по причалу туда, где из открытых дверей «Понсе-де-Леон» лился свет и неслась музыка.

– Фредди – славный парень, – сказал Джон Томасу Хадсону.

– Всегда им был, – отозвался Томас Хадсон. – Но общество Фрэнка его портит.

Роджер по-прежнему молчал, его молчание беспокоило Томаса Хадсона – это молчание и еще некоторые вещи.

– Может, пора домой? – спросил он.

– Что-то мне неспокойно из-за этого прикурка, – сказал Роджер.

Он сидел спиной к яхте и держал правой рукой левую.

– Можешь больше не переживать, – спокойно произнес Джон. – Прикурка снова на ногах.

– Правда?

– Вылез на палубу, да еще с ружьем.

– Черт меня подери! – воскликнул Роджер веселым голосом. Он сидел спиной к яхте и даже не повернул голову.

На этот раз яхтсмен вышел в пижамных штанах и куртке, но главное – в руках он держал ружье. Томас Хадсон перевел взгляд с ружья на его лицо, на котором живого места не было. Кто-то уже его обработал, наложил марлевые повязки и пластыри, густо смазал меркурохромом. Однако с ухом ничего поделывать было нельзя. Оно опухло и страшно раздулось, став самой приметной частью лица. Томас Хадсон представил себе, как будет больно, если до него дотронуться. Все молчали, молчал и мужчина с изуродованным лицом, просто стоял на палубе, сжимая дробовик. Наверное, он и видел-то плохо – глаза его сильно заплыли. Он стоял на палубе, не говоря ни слова, и все вокруг тоже молчали.

Роджер неторопливо повернул голову, посмотрел на него и бросил через плечо:

– Оставь ружье и ложись в постель.

Мужчина не двигался с места. Распухшие губы шевелились, но не мог выговорить ни слова.

– У тебя достанет подлости выстрелить в спину, но в остальном ты слабак, – спокойно, все так же через плечо произнес Роджер. – Поставь ружье на место и ложись в постель.

Роджер по-прежнему сидел спиной к мужчине. Затем он решился на выходку, которая Томасу Хадсону показалась отчаянной.

– Не правда ли, заявившись на палубу в ночном белье, он немного смахивает на леди Макбет? – задал он вопрос остальным, кто был с ним на корме.

У Томаса Хадсона перехватило дыхание. Но ничего не произошло. Спустя некоторое время мужчина повернулся и спустился в каюту, прихватив с собой ружье.

– Вот теперь мне намного лучше, – сказал Роджер. – А то прямо пот градом лил. Пошли домой, Том. С ним все в порядке.

– В порядке ли? – засомневался Джонни.

– Нормально, – сказал Роджер. – Выживет.

– Пошли, Роджер, – сказал Томас Хадсон. – Побудешь у меня.

– Ладно.

Прощавшись с Джоном, они пошли по Королевскому шоссе к дому. Кругом продолжалось веселье.

– Хочешь, зайдём в «Понсе»? – спросил Томас Хадсон.

– Ну уж нет, – ответил Роджер.

– Я подумал, нужно сказать Фредди, что с этим типом все обошлось.

– Скажи сам. А я пойду к тебе.

Когда Томас Хадсон вернулся домой, Роджер лежал ничком на кровати в дальнем углу застекленной веранды. Из темноты еле доносились звуки нескончаемого праздника в честь королевы.

– Ты спишь? – спросил Томас Хадсон.

– Нет.

– Хочешь выпить?

– Вроде нет. Спасибо.

– Как рука?

– Распухла и болит. Но это ерунда.

– Тебе снова не по себе?

– Да. Что-то опять накатило.

– Завтра приедут мальчишки.

– А вот это замечательно.

- Ты правда не хочешь выпить?
- Правда, дружище. А себе налей.
- Пожалуй, выпью виски на сон грядущий.

Томас Хадсон подошел к холодильнику, смешал напитки, вернулся на веранду и сел в темноте рядом с лежащим на кровати Роджером.

- Сколько на свете таких вот ублюдков, – сказал Роджер. – Этот тип настоящий подонок.
- Ты кое-чему его научил.
- Не думаю. Унизил его – да, врезал – в меру. Но он отыграется на ком-нибудь другом.
- Он сам нарывался.
- Это да. Но я не довел дело до конца.
- Ты его только что не убил.
- Вот и я о том же. Теперь он еще хуже будет.
- Кажется, ты преподавал ему хороший урок.
- Нет. Не уверен. То же самое было и в Калифорнии.
- А что там случилось? Ты мне так ничего и не рассказал.
- Тоже драка – вроде этой.
- С кем?

Роджер назвал фамилию человека, занимавшего высокое положение в том, что именуется промышленным производством.

– Я этого совсем не хотел, – сказал Роджер. – Все случилось в доме женщины, с которой у меня возникли осложнения, и, по правде говоря, быть мне там совсем не полагалось. А этот тип донимал меня весь вечер. Донимал и донимал – еще хуже, чем сегодня. И когда уже не было сил терпеть, я так залепил ему – залепил по-настоящему, ни о чем не думая, что он ударился головой о мраморные ступени, ведущие к бассейну. Кстати, вся сцена разворачивалась у бассейна. В себя он пришел только на третий день в «Ливанских кедрах», так что убийцей я не стал. Но они уже состряпали дело. Свидетели и все такое – мне еще здорово повезло.

– Ну и что потом?

– Когда этот хлыщ смог приступить к работе, он отыгрался. По полной программе. Дальше некуда.

– В чем тебя обвинили?

– Да во всем. Чего там только не было.

– Может, расскажешь?

– Нет. Незачем тебе это знать. Поверь на слово, все было подстроено. Такое мне приписали, что люди стараются со мной об этом не говорить. Разве ты не обратил внимание?

– Пожалуй.

– Вот потому мне так скверно сегодня. Сколько еще бродит по земле таких подонков! Отпетых подонков. И драки с ними ничего не решают. Может, они специально нас провоцируют? – Роджер перевернулся на спину. – Зло – страшная вещь, Томми. И дьявольски изощренная. А ведь в старину неплохо разбирались в добре и зле.

– Многие люди не назовут тебя добряком, – сказал ему Томас Хадсон.

– Конечно. Да я на это и не претендую. Хотя мне жаль. Борьба со злом не делает тебя добрым. Сегодня я выступил против зла, но и сам поддался ему. Оно накатывало на меня волнами.

– Все драки – зло.

– Знаю. Но что делать, если уже ввязался.

– Тогда надо побеждать.

– Правильно. Я уже с первой минуты испытал азарт.

– Азарт был бы сильнее, если бы тот тип умел драться.

– Надеюсь, – сказал Роджер. – Хотя трудно сказать. Когда я дерусь, мне хочется уничтожить зло. А если сам увлекаешься, то чем ты отличаешься от того, с кем дерешься.

– Он полная мразь, – сказал Томас Хадсон.

– Но не хуже того, с кем я сцепился в Калифорнии. Несчастье в том, Томми, что их слишком много. Они есть во всех странах, и их число постоянно растет. Неважные времена, Томми.

– А когда они были другими?

– Нам часто бывало хорошо.

– Это правда. Нам было хорошо в разных хороших местах. Но времена-то оставались плохими.

– Не знаю. Говорили, что времена хорошие, а потом всех скрутило. Когда у всех были деньги, у меня денег не было. А когда у меня завелись деньжата, настали по-настоящему плохие времена. Но все-таки люди тогда не были такими злыми и подлыми.

– Вокруг тебя и сейчас мерзавцев хватает.

– Попадают и хорошие.

– Не так уж и часто.

– Достаточно часто. Ты не всех моих друзей знаешь.

– Ты якшаешься черт знает с кем.

– А с кем мы провели сегодняшний вечер? С твоими или моими друзьями?

– С общими. Не так уж они и плохи. Никчемные – но не подлые.

– Согласен, – сказал Роджер. – Не подлые. Фрэнк, правда, с гнильцой. Причем основательной. Хотя подлым я его не считаю. Но теперь я на многое смотрю иначе. Они с Фредом быстро катятся вниз.

– Я кое-что смыслю в добре и зле. И не стараюсь делать вид, будто ничего не понимаю.

– А я мало что знаю о добре, потому что с ним мне не слишком везло. Моя фишка – зло. Я его сразу вижу.

– Жаль, что вечер пошел насмарку.

– Мне просто немного не по себе.

– Хочешь спать? Оставайся здесь.

– Спасибо. Пожалуй, останусь, если не возражаешь. Только раньше пойду в библиотеку и немного почитаю. Где те австралийские рассказы, которые я видел у тебя прошлый раз?

– Генри Лоусона?

– Да.

– Сейчас принесу.

Томас Хадсон пошел спать, а проснувшись среди ночи, увидел, что свет в библиотеке все еще горит.

5

Когда Томас Хадсон проснулся, дул легкий восточный ветерок, песок на берегу под яркосиним небом был белым, как кость, а гонимые ветром маленькие облачка отбрасывали темные подвижные тени на зеленую воду. Флюгер вращался на ветру, а само утро было чудесным и свежим.

Роджера уже не было, и Томас Хадсон завтракал в одиночестве, читая доставленную накануне мэрилендскую газету. Он специально отложил ее, чтобы прочитать за завтраком.

– Когда приезжают мальчики? – спросил Джозеф.

– Около полудня.

– Значит, к ленчу будут?

– Да.

– Когда я пришел, мистера Роджера уже не было, – сказал Джозеф. – Ушел, не позавтракав.

– Может, еще придет.

– Бой сказал, что он вышел на шлюпке в море.

Покончив с завтраком и дочитав газету, Томас Хадсон перешел на веранду, обращенную к океану, и приступил к работе. Работа шла хорошо, и он почти заканчивал утреннюю норму, когда услышал шаги Роджера на лестнице.

– Хорошо получается, – сказал Роджер, заглядывая ему через плечо.

– Может быть.

– А где ты видел такие смерчи?

– Нигде не видел. Это я пишу на заказ. Как твоя рука?

– Опухоль пока не спадает.

Роджер следил за движениями кисти, а Томас Хадсон не оборачивался.

– Если бы не рука, все могло бы казаться дурным сном.

– Да уж, дурнее не бывает.

– Так ты думаешь, этот тип действительно вышел с ружьем?

– Не знаю, – отрезал Томас Хадсон. – И знать не хочу.

– Прости, – сказал Роджер. – Наверное, мне лучше уйти?

– Нет. Побудь здесь. Я скоро закончу. Ты мне не мешаешь.

– Они снялись с якоря на рассвете, – сказал Роджер. – Я видел, как они отчаливали.

– А что ты там делал?

– Сначала читал. Потом не мог заснуть, на душе было муторно, и тогда я пошел на причал и посидел там с ребятами. «Понсе» так и не закрывался всю ночь. Я видел Джозефа.

– Джозеф сказал, ты вышел в море на веслах.

– Греб правой рукой. Хотел ее разработать. Помогло. Теперь стало гораздо лучше.

– Ну, на сегодня хватит, – сказал Томас Хадсон и стал прибирать рабочее место. – Мальчики, должно быть, сейчас взлетают. – Он посмотрел на часы. – А почему бы нам не пропустить по маленькой?

– Прекрасная мысль. Возражений не имею.

– Правда, еще нет двенадцати.

– И что с того? Ты кончил работать, а я вообще отдыхаю. Но можно подождать и до двенадцати, если у тебя такое правило.

– Ладно.

– Я тоже придерживаюсь этого правила. Но иногда утром бывает так паршиво, что помочь может только глоток спиртного.

– Давай нарушим правило сегодня, – предложил Томас Хадсон. – Я всегда очень волнуюсь перед встречей с ними, – добавил он.

– Знаю.

– Джо! – крикнул Роджер. – Принеси шейкер и что нужно для martiní.

– Да, сэр. У меня уже все готово.

– А почему так рано? Ты что, считаешь нас горькими пьяницами?

– Нет, мистер Роджер. Просто подумал, что уж на пустой желудок вы обязательно захотите выпить.

– Выпьем за нас и за мальчиков, – сказал Роджер.

– Надо, чтобы этим летом они славно повеселились. Оставайся с нами тоже. Если ребята станут действовать тебе на нервы, укроешься в своей хижине.

– Если не стесню, проживу здесь немного.

– Ты меня не стеснишь.

– Будет прекрасно пожить с ними.

Так оно и было. Эти славные мальчики жили в доме уже неделю. Сезон тунца закончился, лодок у острова заметно поубавилось, воцарилась обычная, спокойная жизнь, а погода была такая восхитительная, какая бывает только ранним летом.

Мальчики спали на раскладушках на застекленной веранде, и теперь, когда Томас Хадсон просыпался ночью и слышал детское дыхание, ему было не так одиноко. Из-за берегового ветра ночи были холодные, а когда ветер стихал, прохлада шла с моря.

Мальчики поначалу робели и были гораздо аккуратнее, чем стали потом. Впрочем, вопрос об аккуратности остро не стоит, когда требуется лишь смыть с ног песок прежде, чем войти в дом, повесить на улице мокрые шорты и надеть в доме сухие. Застилая утром их постели, Джозеф проветривал пижамы, вешал их на солнце, а позже складывал и убирал, так что валяться где попало могли только рубашки и свитера – одежда, которую надевают по вечерам. Во всяком случае, так было в принципе. Но разные предметы из их снаряжения были разбросаны повсюду. Томас Хадсон не переживал по этому поводу. Когда человек живет в доме один, у него складываются определенные привычки, и соблюдение их доставляет удовольствие. Но сейчас ему нравилось, что кое-что нарушалось. Он знал, что после отъезда мальчиков все опять будет по-прежнему.

Сидя на обращенной к морю веранде за работой, Томас Хадсон видел, что большой его сын, средний и маленький лежат на песке рядом с Роджером. Они болтали между собой, копались в песке и спорили, но слова не долетали до него.

Старший сын был высокий и темноволосый, у него были отцовские плечи и шея, длинные ноги пловца и крупные ступни. В его облике было что-то индейское, это был веселый мальчик, но в минуты покоя его лицо принимало почти трагическое выражение.

Когда однажды лицо сына стало печальным, Томас Хадсон спросил:

– О чем ты думаешь, Schatz?⁷

– О наживке, – ответил мальчик, и лицо его тут же осветилось. Трагическое выражение лицу придавали глаза и рот, но все менялось, как только он заговаривал.

Средний сын всегда напоминал Томасу Хадсону бобренка. Его волосы цветом и плотностью были похожи на бобровый мех, да и загар отличался необычным темно-золотистым цветом. Сын всегда ассоциировался у Томаса Хадсона с животным, живущим здоровой и веселой жизнью. Бобры и медведи знают толк в шутке, а медведи вообще очень близки человеку. Мальчик никогда не будет таким широким в плечах и сильным, как медведь, и атлетом ему не быть – Впрочем, он к этому и не стремится, но есть в нем симпатичные повадки маленького зверька, и еще он умный и независимый, а также любящий, справедливый и компанейский. Подобно картезианцу, он всегда во всем сомневается, яростно спорит и умеет подколоть – иногда даже жестко, но в этом нет злобы. Он обладал и другими достоинствами, о которых никто не знал, братья бесконечно его уважали, хотя любили над ним подтрунивать, находя особенно уязвимые места. Как все дети, они ссорились между собой и довольно едко дразнили друг друга, но воспитаны были хорошо и уважительно держали себя со взрослыми.

Младший брат, белобрысый, напоминал сложением карманный линкор. Он был уменьшенной копией Томаса Хадсона, но пропорционально – короче и шире. На загорелой коже ярче проступали веснушки, лицо имело задорное выражение, а старичком он уже родился. Он был задирой, постоянно задевал обоих братьев – была в нем темная сторона, о которой знал только Томас Хадсон. Оба не задумывались о ней, но знали, что она есть у каждого из них и ничего хорошего в этом нет. Отец, зная, откуда она у сына, относился к этому с пониманием. Они были очень близки, хотя Томас Хадсон жил с ним меньше, чем с остальными сыновьями. Эндрю, младший, был прирожденным спортсменом, и, сев впервые на лошадь, сразу почув-

⁷ Душа моя, дорогой (нем.).

ствовал себя уверенно. Братья гордились им, но не позволяли задаваться. В его подвиги трудно было поверить, но многие видели его в седле, видели, как он берет препятствия, и отмечали его спокойную профессиональную скромность. От рождения в нем была некая вредность, которая проявлялась просто как задиристая веселость, и он казался хорошим мальчиком. И все-таки вредность в нем была, это знали и другие, и он сам. Он просто хорошо себя вел, но дурное сидело в нем.

И вот сейчас с выходящей на море веранды было видно, как все четверо лежат на песке. Старший сын – Том-младший – рядом с Роджером, младший, Эндрю, – по другую сторону, а средний, Дэвид, растянулся на спине с закрытыми глазами подле Тома. Томас Хадсон помыл кисти, прибрал за собой и спустился к ним.

– Привет, папа, – сказал старший сын. – Ну, как, хорошо поработал?

– Пойдешь плавать, папа? – спросил средний сын.

– Вода – просто чудо, – сообщил младший.

– Так как дела, папаша? – улыбнулся Роджер. – Как продвигается живописный бизнес, мистер Хадсон?

– На сегодня живописный бизнес закончен, господа.

– Классно! – обрадовался Дэвид. – Тогда можем поохотиться под водой?

– Давайте после ленча.

– Здорово! – сказал Том-младший.

– А если волны будут большие? – спросил Эндрю.

– Для тебя – возможно, – ответил Том-младший.

– Нет, Томми. Для всех.

– Когда море спокойное, рыба затаивается в скалах, – сказал Дэвид. – Они боятся больших волн не меньше, чем мы. Наверное, их тоже тошнит. Папа, у рыб бывает морская болезнь?

– А как же! – сказал Томас Хадсон. – Иногда в шторм на рыболовецких судах окуни в садках заболевают морской болезнью идохнут.

– Что я тебе говорил? – сказал Дэвид старшему брату.

– Ладно – они заболевают идохнут, – согласился Том-младший. – Но кто сказал, что онидохнут от морской болезни?

– Думаю, морской болезнью они действительно болеют, – сказал Томас Хадсон. – Только неясно, болеют ли они ею, когда плавают на свободе.

– Но, забившись в скалы, рыбы тоже не могут плавать свободно, правда, папа? – спросил Дэвид. – Прячутся там по своим ямкам и норкам. Завидят большую рыбу – и в норку, а волны быют их не меньше, чем в садке.

– Нет, меньше, – возразил Том-младший.

– Может быть, меньше, – благоразумно согласился Дэвид.

– Но и этого достаточно, – сказал Эндрю. – Если они будут продолжать спорить, мы никуда не поедем, – шепнул он отцу.

– А разве ты не хочешь поохотиться под водой?

– Очень хочется, только я боюсь.

– Чего ты боишься?

– Под водой – всего. Как только выдохну воздух, сразу начинаю бояться. Томми отлично плавает, но под водой ему тоже страшно. Из нас троих под водой только Дэвид ничего не боится.

– Мне много раз было страшно, – сказал Томас Хадсон.

– Правда?

– Думаю, всем бывает страшно.

– Только не Дэvidу. Где бы он ни плавал. Но Дэвид теперь побаивается лошадей – они много раз его сбрасывали.

– Послушай, малыш. – Дэвид услышал слова младшего брата. – Знаешь, *почему* меня лошади сбрасывают?

– Не знаю. Они так много раз тебя сбрасывали, что я и не помню.

– Вот что я тебе скажу. Я знаю, почему меня сбрасывают. В прошлом году я ездил на Крапчатой кобылке⁸, и она, когда подтягивали подпругу, всегда раздувала брюхо, и потом седло сползло вместе со мной.

– Со мной такого никогда не было, – заметил Эндрю не без ехидства.

– Ну, еще бы! – сказал Дэвид. – Наверное, она полюбила тебя, как все любят. Может, кто-нибудь объяснил ей, кто ты такой.

– Я читал ей вслух, что обо мне пишут в газетах, – нашелся Эндрю.

– Уверен, она тут же срывалась с места, – сказал Томас Хадсон. – Вся беда в том, что Дэвид сразу сел не на ту лошадь. Эта старая лошадка предназначена для езды на короткие расстояния и не по такой местности.

– Я не говорил, что могу справиться с ней, папа, – сказал Эндрю.

– И правильно сделал, – сказал Дэвид и добавил: – А вообще, может, и справился бы. Конечно, справился. Но честно, Энди, я не сразу стал бояться, только потом – как бы не напороться на луку. Да, черт возьми, я боялся.

– Так мы поедem на подводную охоту, папа? – спросил Эндрю.

– Если не поднимутся большие волны.

– А кто будет решать, насколько они большие?

– Я буду решать.

– Ладно, – сказал Энди. – Но, на мой взгляд, они достаточно большие. Папа, а Крапчатая все еще у тебя на ранчо?

– Думаю, да, – ответил Томас Хадсон. – Я ведь сдал ранчо в аренду.

– В аренду?

– Еще в конце прошлого года.

– Но ведь мы сможем туда ездить? – поспешно спросил Дэвид.

– Конечно. Там у нас на берегу реки есть большая хижина.

– Ранчо – самое лучшее место из всех, где я был, – сказал Энди. – Не считая этого.

– А мне казалось, тебе больше нравится Рочестер, – съехидничал Дэвид. Там Энди на лето оставляли с няней, в то время как остальные мальчики уезжали на Запад.

– А мне правда там нравилось. Рочестер – прекрасное место.

– Помнишь, Дэйв, что он сказал той осенью, когда мы убили трех медведей и ты дома стал ему об этом рассказывать? – спросил Томас Хадсон.

– Нет, папа, не помню. Это было ужасно давно.

– Все происходило в буфетной, где вы, ребята, обычно ели, так вот сидите вы за детским ужином и рассказываете Энди, как было дело, и Анна говорит: «Бог мой, Дэвид, как интересно! А что было *потом*?» Тогда этот вредный старикашка, которому было тогда лет пять-шесть, открыл рот и сказал: «Может, это и интересно тем, кого волнуют такого рода вещи. Но у нас в Рочестере медведи не водятся».

– Слышал, наездник? – сказал Дэвид. – Вот какой ты был тогда!

– Ладно, папа, – сказал Эндрю. – Лучше расскажи ему, как он ничего не хотел читать, кроме комиксов, во время нашего путешествия по Эверглейдсу⁹. Все ему было неинтересно после той школы, куда он ходил осенью, когда мы были в Нью-Йорке, и где он стал настоящим снобом.

– Я все помню, – заторопился Дэвид. – Не нужно папе ничего рассказывать.

⁸ Крапчатая кобылка («Old Paint») – народная песня, которую пели ковбои, когда стерегли лошадей.

⁹ Национальный парк в Южной Флориде.

– Ты с этим справился, – сказал Томас Хадсон.

– А как же иначе? Вот было бы скверно, если бы я таким остался.

– Расскажи им, как я был маленьким, – попросил Том-младший и перевернулся на живот, держа Дэвида за лодыжку. – Никогда мне не быть таким паинькой, как в твоих рассказах о моем раннем детстве.

– Я был хорошо знаком в то время с тобой, – сказал Томас Хадсон. – Странный ты был человек.

– Он был странный, потому что жил в странных местах, – заявил младший сын. – Живи я в Париже, Испании и Австрии, тоже был бы странным.

– Да он и сейчас странный, всадник, – сказал Дэвид. – Для этого ему не нужен экзотический фон.

– Что еще за фон?

– У тебя его нет.

– Нет – так будет.

– Помолчите – пусть папа говорит, – остановил братьев Том-младший. – Расскажи им, как мы гуляли с тобой по Парижу.

– Тогда ты еще не был таким странным, – сказал Томас Хадсон. – Малышом ты был благоразумным. Мы с мамой оставляли тебя в бельево́й корзине, которая была твоей колыбелькой, в той квартире над лесопилкой, где тогда жили, а большой кот Ф. Кис ложился клубком у твоих ног и никого близко не подпускал к корзине. Ты называл себя Г'Нинг, и мы тоже стали называть тебя Г'Нинг. Г'Нинг Грозный.

– Откуда я взял такое имя?

– Услышал что-то похожее в трамвае или автобусе. Или звонок кондуктора.

– А по-французски я тогда не говорил?

– Говорил, но неважно.

– Расскажи что-нибудь из того времени, когда я уже говорил по-французски.

– Позже я возил тебя в коляске, довольно дешевой, легкой, складной, мы доезжали до кафе «Клозери де Ли́ла», там завтракали, я читал газету, а ты глазел на проходящих по бульвару. После завтрака...

– А что было на завтрак?

– Булочка и *café au lait*¹⁰.

– И мне тоже?

– Тебе добавляли капельку кофе в молоко.

– Это я помню. А куда мы шли потом?

– Я перевозил тебя на противоположную сторону улицы, и дальше мы ехали мимо фонтана с бронзовыми конями, рыбками и русалками, потом спускались к скверу в окружении каштанов, где играли французские дети, а их няньки сидели на скамейках вдоль посыпанных гравием дорожек...

– А налево – Эльзасская школа, – сказал Том-младший.

– А направо – жилые дома...

– Жилые дома и студии со стеклянными крышами, где работали художники, – эта улица шла вниз и налево и была довольно *triste*¹¹ от темных камней, ведь дома тянулись по ее теневой стороне.

– А когда это было – осенью, весной или зимой? – спросил Томас Хадсон.

– Поздней осенью.

¹⁰ Кофе с молоком (*фр.*).

¹¹ Темной, мрачной (*фр.*).

– Значит, было холодно, у тебя краснели щеки и нос, а мы катили дальше через железные ворота в верхней части Люксембургского сада, спускались к озеру, огибали его, потом поворачивали направо – к фонтану Медичи и скульптурам, и выходили из ворот к театру «Одеон» и, пройдя пару переулков, оказывались на бульваре Сен-Мишель...

– Буль Миш...

– И по Буль Миш мимо Ключи...

– Справа от нас...

– Темного, мрачного, и по бульвару Сен-Жермен...

– Самая интересная улица, и движение на ней было большое. Странно, тогда все казалось таким волнующим и опасным. А дальше мы шли по улице Рен, проходили кафе «Две Макаки» и перекресток у «Липпа», и там всегда было спокойно. Почему, папа?

– Не знаю, Shatz.

– Хотелось бы услышать что-нибудь кроме названий улиц, – сказал Эндрю. – Я уже устал от этих названий, тем более что в этом городе я никогда не был. Неужели ничего там с вами не случилось?

– Расскажи о каком-нибудь случае, папа, – попросил Том-младший. – Об улицах мы поговорим с тобой наедине.

– Ничего особенного тогда не случилось, – сказал Томас Хадсон. – Мы доходили до площади Сен-Мишель и садились на веранде кафе, твой папа рисовал, пил кофе со сливками, а тебе приносили пиво.

– Я что, любил пиво?

– Ты был большой любитель пива. Но за едой предпочитал воду с капелькой красного вина.

– Помню. L'eau rouge¹².

– Exactement¹³, – сказал Томас Хадсон. – Ты лихо управлялся с l'eau rouge, но и от пива не отказывался.

– А в Австрии я помню, как катался на санках, помню нашу собаку Шнауца и снег.

– А помнишь, как мы справляли там Рождество?

– Нет, не помню. Только тебя, снег, нашу собаку Шнауца и мою няню. Она была очень красивая. Еще помню маму на лыжах, она тоже была красивая. Помню, как вы с мамой едете на лыжах через фруктовый сад. Не знаю, где это было. Но хорошо помню Люксембургский сад. Помню лодки днем на озере и недалеко фонтан в окружении деревьев. Тропинки там были посыпаны гравием, а когда мы шли к Дворцу – на нем еще высоко висели часы, – мужчины слева в стороне играли в боулинг. Осенью деревья сбрасывали листву, я помню голые деревья и сухие листья на дорожках. Больше всего мне нравится вспоминать осень.

– А почему? – спросил Дэвид.

– По многим причинам. Нравилось, как осенью пахнет, нравились карнавалы и то, что камешки наверху сухие, а под ними мокро, и как ветер гонит лодки, и как он срывает с деревьев листву. Я помню тепло голубей под одеялом. Ты убивал их уже в сумраке, и я гладил их мягкие перышки, прижимал к себе и тем согревал руки по дороге домой, пока голуби не остывали.

– А где ты стрелял голубей, папа? – спросил Дэвид.

– Обычно рядом с фонтаном Медичи как раз перед закрытием сада. Его окружает высокая железная решетка, и с наступлением темноты все должны покинуть сад, и тогда ворота запирают. Сторожа ходят, предупреждают людей, что пора уходить, и закрывают ворота. Когда сторожа отходили подальше, я убивал из рогатки сидящих на земле у фонтана голубей. Во Франции делают отличные рогатки.

¹² Кислая вода (фр.).

¹³ Точно (фр.).

– А сам ты их не делал? Ведь вы были бедные.

– Делал, конечно. Сначала я смастерил рогатку из раздвоенной молодой ветки, которую срезал в лесу Рамбуйе, где мы гуляли с матерью Томми. Я ее обстругал, потом в канцелярском магазине на площади Сен-Мишель мы купили широкие резиновые ленты, а из старой перчатки мамы Томми сделали кожаный мешочек.

– А чем ты стрелял?

– Камушками.

– С какого расстояния?

– Как можно ближе, чтобы успеть поскорее подобрать голубя с земли и сунуть под одеяло.

– Помнится, один ожил, – сказал Том-младший. – Тихонько я прижимал его к себе и до самого дома ничего о нем не говорил: очень уж хотелось оставить голубя себе. Голубь был крупный, почти пурпурного цвета с белыми перышками на крыльях, у него была длинная шейка и прелестная головка, и ты позволил держать его на кухне, пока мы не приобретем клетку. Ты привязал его там за лапку. Но в ту же ночь наш кот задушил его и принес мне в постель. Кот гордо выступал, он тащил голубя, как тигр, поймавший дикаря, и вспрыгнул с ним на кровать. Это была уже не корзина, а квадратная кроватка, корзину я не помню. Вы с мамой ушли в кафе, и мы с котом остались дома одни. Помнится, окна были открыты, над лесопилкой стояла полная луна, была зима, и я вдыхал запах опилок. Я помню, как наш большой кот идет по полу с высоко задранной головой, и голубь просто волочится за ним, а потом кот одним прыжком оказывается в моей постели. Я ужасно расстроился из-за голубя, но кот был моим большим другом, и он был так горд и счастлив, что я тоже испытал гордость и радость за него. Я помню, как он играл с голубем, потом мурлыкал и мял лапками мою грудь и вновь принимался за голубя. Наконец, мы вместе заснули, моя рука и его лапка лежали на голубе, а когда я ночью проснулся, кот пожирал птицу и громко урчал, как тигр.

– Вот это намного интереснее, чем названия улиц, – сказал Эндрю. – А ты не испугался, Томми, когда кот его ел?

– Нет. Кот был тогда моим лучшим другом. Самым близким, я хочу сказать. Думаю, ему бы понравилось, если бы я присоединился к нему и тоже стал есть голубя.

– Надо было попробовать, – сказал Эндрю. – Расскажи еще про рогатки.

– Мама подарила тебе одну рогатку на Рождество, – начал Том-младший. – Она увидела ее в оружейной лавке. Ей хотелось купить тебе ружье, но, как всегда, не хватало денег. Каждый день, когда она шла в *épicerie*¹⁴, она смотрела на ружья в витрине и однажды, увидев там рогатку, сразу ее купила, боясь, что перехватит кто-нибудь другой, и припрятала до Рождества. Ей пришлось подделать счета, чтобы ты ни о чем не догадался. Она много раз мне об этом рассказывала. Я помню, когда ты получил этот подарок на Рождество, то старую рогатку отдал мне, но у меня тогда сил не доставало ее натягивать.

– Папа, а мы были когда-нибудь бедными? – спросил Эндрю.

– Нет. Когда вы двое родились, я уже не нуждался. Бывали разные времена, но той бедности, в какой жили мы с Томом и его матерью, уже никогда не было.

– Расскажи еще о Париже, – попросил Дэвид. – Что там еще вы с Томми поделывали?

– Что мы еще делали, Schatz?

– Осенью? Покупали жареные каштаны у уличного продавца, ими я тоже грел руки. Ходили в цирк, видели там крокодилов Капитана Валя.

– Ты и это помнишь?

– Очень хорошо. Капитан Валь боролся с крокодилом (он называл его «карркодил» – будто ворона каркает), а красивая девушка тыкала в крокодилов трезубцем. Но самые крупные крокодилы не хотели двигаться. В круглом цирке было очень красиво, стены красные с позо-

¹⁴ Бакалею (*фр.*).

лотой, и еще пахло лошадьми. Там позади было местечко, куда ты пошел выпить с мистером Кросби, укротителем львов и его женой.

– Ты помнишь мистера Кросби?

– Он в любую погоду ходил без шляпы и пальто, а его маленькая дочь ходила с распущенными волосами, как Алиса в Стране Чудес. Такая, как на иллюстрациях. Мистер Кросби был очень нервный.

– А кого ты еще помнишь?

– Мистера Джойса.

– Какой он был?

– Высокий, худой, с усами и бородой – полоской – на подбородке, он носил очки с очень толстыми стеклами и ходил с высоко поднятой головой. Я помню, как он молча прошел мимо нас по улице, а ты заговорил с ним, и тогда он остановился и, глядя на нас сквозь свои очки, будто смотрел из аквариума, сказал: «А, это вы, Хадсон? А я вас ищу». И мы все трое направились в кафе и, так как на улице было холодно, сели поближе – как ты ее называешь?

– Жаровня.

– А что это такое? – спросил Эндрю.

– Что-то вроде жестяного ящика с дырками, в нем жгут каменный или древесный уголь, нагревая воздух снаружи, например на веранде, и люди садятся поближе к нему; так на скачках люди жмутся друг к другу у барьера и тем самым согреваются, – объяснил Том-младший. – В этом кафе, куда ходили мы с папой и мистером Джойсом, эти жаровни стояли вдоль всей веранды, и там в самую холодную погоду было тепло и уютно.

– Похоже, большую часть времени ты проводил в кафе, барах и прочих значных местах, – сказал младший сын.

– Можно сказать и так, – согласился Том. – Правда, папа?

– Да ты сладко спал в своей коляске, пока папа забегал пропустить по маленькой, – сказал Дэвид. – Терпеть не могу это выражение «пропустить по маленькой». Эта «маленькая» продолжается до бесконечности.

– А о чем говорил мистер Джойс? – спросил Роджер Тома-младшего.

– Скажете тоже, мистер Дэвис! Я не так много помню из того времени. Кажется, он говорил об итальянских писателях и о мистере Форде. Мистер Джойс терпеть не мог мистера Форда. И мистер Паунд его раздражал. «Эзра – бешеный, Хадсон», – говорил мистер Джойс папе. Я точно помню его слова, потому что знал, что бешеными бывают собаки, и, помню, я сидел и смотрел на мистера Джойса, а кожа на его лице была гладкая и красная, как от мороза, и одно стекло в очках было толще другого. Я вспоминал рыжеволосого мистера Паунда, его бородку клинышком, приятный взгляд и что-то вроде пены, выступавшей на губах во время разговора. Я подумал: как ужасно, что мистер Паунд бешеный, и хорошо бы нам не столкнуться с ним. А мистер Джойс добавил: «Впрочем, Форд тоже давно уже свихнулся», и мне представился мистер Форд – лицо большое, бледное, какое-то забавное, глаза белесые, рот с редкими зубами почти всегда приоткрыт, и эта жуткая пена, стекающая у него по подбородку.

– Не надо больше, – попросил Эндрю. – А то мне это приснится.

– Продолжай, пожалуйста, – попросил Дэвид. – Это вроде оборотней. Мама спрятала книгу про оборотней, потому что Эндрю снились кошмары.

– А мистер Паунд кого-нибудь покусал? – спросил Эндрю.

– Нет, всадник, – сказал Дэвид. – «Бешеный» – это просто фигура речи. Значит, не в своем уме. Не то, что бешенство у собак, когда возникает водобоязнь. Но почему он считал их бешеными?

– Этого я тебе не скажу, – ответил Том-младший. – Тогда я был уже не такой маленький, как в то время, когда мы стреляли голубей в парке. Но и не такой большой, чтобы все запомнить, к тому же меня потрясло известие о том, что мистер Паунд и мистер Форд взбесились, а

воспоминание о страшной пене, выступавшей у них на губах, окончательно доконало. Мистер Дэвис, а вы знали мистера Джойса?

– Знал. Он, твой отец и я были большими друзьями.

– Папа был гораздо моложе мистера Джойса.

– Тогда папа был моложе всех.

– Но не меня, – с гордостью произнес Том-младший. – Думаю, я был самым молодым другом мистера Джойса.

– Вот уж он по тебе, наверно, скучает! – сказал Эндрю.

– Какая жалость, что ему не удалось познакомиться с тобой, – сказал Дэвид. – Если бы ты не болтался все время в Рочестере, он мог бы удостоиться такой чести.

– Мистер Джойс – великий человек, – сказал Том-младший. – Он не захотел бы иметь дело с двумя балбесами.

– Это ты так думаешь, – возразил Эндрю. – Мистер Джойс и Дэвид могли бы подружиться. Дэвид тоже пишет – для школьной газеты.

– Папа, расскажи нам еще о том времени, когда ты, Томми и мама Томми были бедными. Вы были очень бедными?

– Они были настоящими бедняками, – сказал Роджер. – С утра твой отец готовил Томми бутылочки, а сам шел на рынок, чтобы купить самые лучшие и дешевые овощи. Когда я шел завтракать, он уже возвращался с рынка.

– В шестом арондисмане никто лучше меня не умел выбрать рогеаух, – сказал Томас Хадсон мальчикам.

– А что такое рогеаух?

– Лук-порей.

– Этот лук длинный, зеленый и довольно большой, – объяснил Том-младший. – Только не такой яркий, как обычный. Он более тусклый. У него зеленые листья, а сама луковица белая. Его варят и едят холодным с оливковым маслом и уксусом, солью и перцем. Едят все – и вершки, и корешки. Вкусно – жуть! Сколько его съел я, наверное, никто столько не съел.

– А что такое этот шестой... как его? – спросил Эндрю.

– Ты своими вопросами мешаешь разговаривать, – одернул его Дэвид.

– Я ведь не знаю французский, вот и спрашиваю.

– Париж разделен на двадцать арондисманов, то есть районов. Мы жили в шестом.

– Папа, может, забудем про арондисманы – расскажи что-нибудь еще, – попросил Эндрю.

– Спортсмен, какой же ты нелюбознательный, – упрекнул его Дэвид.

– Нет, я хочу учиться, – оправдывался Эндрю. – Но для арондисманов я еще слишком мал. Ты сам всегда говоришь: это тебе еще рано знать. Так вот я признаю: для арондисманов я не дорос. Это мне трудно.

– Какая средняя цифра достижений Тая Кобба?¹⁵ – спросил его Дэвид.

– Триста шестьдесят семь.

– До этого ты, выходит, уже дорос.

– Да прекрати ты, Дэвид. Кто-то интересуется арондисманами, а кто-то бейсболом.

– У нас в Рочестере, кажется, нет арондисманов.

– Ну, хватит уже. Я просто подумал, что папа и мистер Дэвис могут рассказать много интересного помимо этих... Черт, я даже не помню названия.

– Пожалуйста, не чертыхайся при нас, – осадил его Томас Хадсон.

– Прости, папа, – извинился мальчуган. – Я же не виноват, что мне чертовски мало лет. Ой, прости. Я просто хотел сказать, что не виноват.

Он очень расстроился. Дэвид умел его уколоть.

¹⁵ Тай Кобб (1886–1961) – выдающийся американский бейсболист.

– Оглянуться не успеешь, как детство пройдет, – успокоил его Томас Хадсон. – Понимаю, в раздражении трудно себя сдерживать. Только никогда не чертыхайся при взрослых. Как вы там говорите наедине – не мое дело.

– Папа, ну, пожалуйста... Я же извинился.

– Хорошо, хорошо, – сказал Томас Хадсон. – Я тебя не браню. Просто объясняю. Я так редко вижу вас, ребята, что приходится много чего объяснять.

– Не так уж и много, папа, – сказал Дэвид.

– Пожалуй, – согласился Томас Хадсон. – Не так уж и много.

– При маме Эндрю никогда не ругается, – сказал Дэвид.

– Оставь, Дэвид. Ведь с этим покончено, да, папа?

– Если вы, ребята, хотите знать, как надо ругаться, – сказал Том-младший, – почитайте мистера Джойса.

– Мне пока хватит и тех ругательств, какие я знаю, – сказал Дэвид. – На какое-то время хватит.

– У моего друга мистера Джойса есть такие слова и выражения, которых я и не слышал никогда. Клянусь, никто ни на одном языке его не переплюнет.

– А он и создал потом полностью новый язык, – сказал Роджер. С закрытыми глазами он лежал растянувшись на песке.

– Не понимаю я этот новый язык, – признался Том-младший. – Наверное, тоже еще не дорос. Хотел бы я слышать, что вы, ребята, скажете, когда прочтете «Улисса».

– Это чтение не для детей, – сказал Томас Хадсон. – Я правду говорю. Вы там ничего не поймете, поэтому и пробовать не стоит. Seriously. Подождите, когда повзрослеете.

– Я прочитал всю книгу, папа, – сказал Том-младший. – И практически ничего не понял, как ты и сказал. Но я продолжал ее читать, и теперь кое-что понимаю и даже могу объяснить другим. Я очень горжусь тем, что был другом мистера Джойса.

– А Томми правда был его другом, папа? – спросил Эндрю.

– Мистер Джойс всегда справлялся о нем.

– Конечно, черт возьми, я был другом мистера Джойса, – сказал Том-младший. – Немного у меня было таких замечательных друзей.

– Не думаю, что ты сумеешь сейчас объяснить книгу другим, – сказал Томас Хадсон. – Пока не сумеешь. Какую часть ты так хорошо понял?

– Последнюю часть. Ту, в которой дама разговаривает сама с собой.

– Монолог, – сказал Дэвид.

– Ты что, тоже читал?

– Конечно, – сказал Дэвид. – Точнее, Томми читал мне.

– И он растолковал тебе эту главу?

– Насколько смог. Некоторые места нам обоим непонятны.

– Где ты взял эту книгу, Томми?

– Дома. Вытащил из книжного шкафа и принес в школу.

– Что?!

– Кое-что из нее я прочитал вслух ребятам и еще рассказал, что мистер Джойс был моим другом и мы проводили много времени вместе.

– Ну и как реагировали ребята?

– Некоторые пай-мальчики сочли ее слишком смелой.

– А дальше это пошло?

– Естественно. Разве ты не знаешь, папа? Хотя да, ты тогда был в Абиссинии. Директор уже собрался меня исключить, но тогда я ему объяснил, что мистер Джойс великий писатель и мой близкий друг, и тогда директор сказал, что сам отправит книгу маме, а с меня взял слово, что впредь я буду советоваться с ним, прежде чем читать что-то вслух в классе, и не

буду объяснять ребятам непонятные места у классиков. Он хотел меня исключить, решив, что у меня испорченное воображение. Но, папа, у меня не испорченное воображение. Во всяком случае, не больше, чем у других.

– Книгу он отослал домой?

– Да, конечно. Сначала хотел отобрать ее совсем, но я объяснил, что это первое издание и что мистер Джойс сам вручил ее тебе с дарственной надписью и, так как книга не моя, ее нельзя отбирать.

– А когда мне можно будет прочесть книгу мистера Джойса, папа? – спросил Эндрю.

– Еще не скоро.

– Но Томми ведь читал?

– Не забывай, он друг мистера Джойса.

– Я же вам говорил! – сказал Том-младший. – Папа, а Бальзака мы не знали?

– Нет, он жил раньше.

– И Готье тоже? Дома я нашел две отличные книжки этих писателей: «Озорные рассказы» Бальзака и «Мадемуазель де Мопен» Готье. «Мадемуазель де Мопен» я не совсем понял, но я читаю ее снова и снова, пытаюсь понять, и, скажу вам, это просто класс! Но раз эти писатели не были нашими друзьями, то, думаю, меня исключат, если буду читать их ребятам.

– Хорошие это книги, Томми? – спросил Дэвид.

– Просто замечательные. Вам понравятся.

– А почему бы тебе не посоветоваться по этому поводу с директором, Томми? – сказал Роджер. – Не сомневаюсь, эти книги куда лучше тех, что ребята достают сами.

– Не думаю, что это хорошая идея, мистер Дэвис. Директор опять решит, что у меня грязное воображение. К тому же они не были моими друзьями, как мистер Джойс, а для ребят это имеет значение. Да и «Мадемуазель де Мопен» я не так хорошо понимаю, чтобы им объяснить, что к чему, а сослаться на дружбу с авторами я тут не смогу.

– Хотел бы я послушать твои объяснения, – сказал Роджер.

– Да что вы, мистер Дэвис. Мои объяснения слишком примитивны для вас. Вам будет неинтересно слушать. Ведь вы все хорошо поняли?

– Можно сказать и так.

– Жаль, что Бальзак и Готье не входят в число наших друзей, как мистер Джойс.

– Мне тоже жаль, – сказал Томас Хадсон.

– И все же мы знали многих хороших писателей, правда?

– Чистая правда, – сказал Томас Хадсон.

Лежать на теплом песке было одно удовольствие, после утренней работы он ощущал в теле приятную расслабленность. Томас Хадсон слышал, как переговариваются сыновья, и на душе у него было радостно.

– Пошли еще поплаваем – и на ленч, – предложил Роджер. – Становится жарко.

Томас Хадсон смотрел, как все четверо неторопливо плывут в зеленоватой воде, отбрасывая тень на светлое песчаное дно. Тела, изгибаясь, движутся вперед, тени, повинаясь законам преломления солнечных лучей, скользят следом, загорелые плечи выступают наружу, руки рассекают и отталкивают воду, ноги равномерно бьют по ней, а головы поворачиваются, чтобы набрать в легкие воздуха и дышать легко и свободно. Томас Хадсон стоял и смотрел, как они плывут по ветру, и чувствовал любовь ко всем четверым. Хорошо бы, подумал он, нарисовать их такими, хотя сделать это очень трудно. И все-таки надо попробовать этим же летом.

Ему было лень идти купаться, однако он понимал, что этого не избежать, и ступил в воду, ощутив нагретыми на солнце ногами ее прохладу и свежесть, и почувствовал, как холод подступает к паху. Тогда он нырнул и поплыл навстречу возвращавшейся четверке. Теперь, когда он был на одном уровне с ними, все выглядело иначе, ведь обратно они плыли против ветра, волны захлестывали Эндрю и Дэвида, и они плыли с трудом. Они уже не были похожи

на четверку морских животных. Если раньше мальчики плыли свободно и красиво, то теперь двое младших явно испытывали сопротивление ветра и волн. Не то чтобы они столкнулись с настоящими трудностями, но пропало прежнее ощущение, что в воде они как дома. Перед Томасом Хадсоном словно предстали две картины, и, возможно, вторая была более интересной. Все пятеро вышли из воды и направились к дому.

– Потому мне и нравится больше подводное плавание, – сказал Дэвид. – Дыхалка не беспокоит.

– Ну и отправляйся после ленча с папой и Томми на подводную охоту, – сказал ему Эндрю. – А мы с мистером Дэвисом останемся дома.

– Разве вы не хотите с нами, мистер Дэвис?

– Могу и остаться.

– Только не оставайтесь из-за меня, – сказал Эндрю. – У меня много занятий. Я просто подумал – вдруг вы тоже захотите побыть дома.

– Пожалуй, я так и сделаю, – сказал Роджер. – Поваляюсь – почитаю.

– Только не позволяйте ему манипулировать вами, мистер Дэвис. Он умеет очаровывать людей.

– Да нет, я сам хочу остаться, – сказал Роджер.

На веранде они переоделись в сухие шорты. Джозеф принес миску салата из морепродуктов. Все мальчики его ели, а Том-младший еще запивал пивом. Томас Хадсон сидел, откинувшись на спинку кресла, а Роджер стоял рядом с шейкером в руках.

– После еды меня тянет в сон, – признался он.

– Нам будет вас не хватать, – сказал Том-младший. – Я тоже не прочь остаться.

– Оставайся с нами, Том, – обрадовался Эндрю. – Пусть папа и Дэвид отправляются вдвоем.

– Не думай, что я буду играть с тобой в мяч, – сказал Том-младший.

– Ну и не надо. Здесь есть один негритянский паренек, он со мной поиграет.

– Почему ты так хочешь быть питчером в бейсболе? – спросил Томми. – Ты ростом не вышел.

– Я буду не меньше Дика Рудольфа и Дика Керра.

– Это еще кто такие? – спросил Том-младший.

– Назови какого-нибудь жокея, – шепнул Дэвид Роджеру.

– Эрл Санд.

– Ты будешь такого роста, как Эрл Санд.

– Иди и лови свою рыбу, – обиделся Эндрю. – Том ходил в друзьях у мистера Джойса, а моим другом будет мистер Дэвис. Вы согласны, мистер Дэвис? Тогда я смогу рассказывать в школе: «Когда мы с мистером Дэвисом отдыхали летом на тропическом острове, то занимались тем, что писали неприличные рассказы, а мой отец в это время рисовал картины с голыми женщинами». Ты ведь рисуешь голых женщин, папа?

– Иногда рисую. Правда, у них темная кожа.

– Какая разница! – фыркнул Эндрю. – Мне все равно, какого цвета у них кожа. А Том пусть остается со своим мистером Джойсом.

– Да тебе слабо даже взглянуть на эти картины, – сказал Дэвид.

– Может, и так. Но я со временем приучусь.

– Обнаженная натура у папы не сравнится с той главой мистера Джойса, – сказал Том-младший. – Просто ты еще малыш, вот тебе и кажется, что вид обнаженной женщины – это что-то неприличное.

– Ладно. И все же я забираю мистера Дэвиса и папины рисунки. В школе говорили, что мистер Дэвис пишет очень неприличные рассказы.

– Тогда и я забираю мистера Дэвиса. Мистер Дэвис – мой давний друг.

– Как и мистер Пикассо, и мистер Брак, и мистер Миро, и мистер Массон, и мистер Паскин, – сказал Томас Хадсон. – Ты всех их знал.

– И еще мистер Уолдо Пирс, – прибавил Том-младший. – Сам видишь, Энди, тебе меня не превзойти. Слишком поздно ты начал. Ты торчал в Рочестере и даже на свет еще не родился, а мы с папой уже дружили с великими людьми. Я был лично знаком чуть ли не со всеми знаменитыми художниками наших дней. И многие из них были моими большими друзьями.

– Надо же когда-то начинать, – сказал Эндрю. – И я выбираю мистера Дэвиса. И вам совсем не обязательно писать неприличные рассказы, мистер Дэвис. Я сам буду их выдумывать, как делает Томми. Только расскажите мне какой-нибудь ужасный случай из своей жизни, а я буду говорить, что сам при этом присутствовал.

– Что ты плетешь, будто я все выдумываю, – возмутился Том-младший. – Да, иногда папа и мистер Дэвис помогают мне кое-что припомнить. Но на самом деле я был свидетелем целой эпохи в искусстве и литературе и, если придется, могу хоть сейчас засесть за мемуары.

– Ты в своем уме, Томми? – сказал Эндрю. – Думай, что говоришь.

– Не рассказывайте ему ничего, мистер Дэвис, – попросил Том-младший. – Пусть начнет с нуля, как и мы.

– Мы с мистером Дэвисом сами решим, – сказал Эндрю. – Не лезь не в свое дело.

– Папа, расскажи мне больше о моих друзьях, – сказал Том-младший. – Я знаю, что они были и мы постоянно встречались в кафе, но хотелось бы знать о них поподробнее. Разные вещи – как про мистера Джойса.

– Ты помнишь мистера Паскина?

– Нет. Не очень. А какой он был из себя?

– Нельзя считать человека другом, если ты его даже не помнишь, – упрекнул брата Эндрю. – Разве можно представить, чтобы я через несколько лет забыл, какой из себя мистер Дэвис?

– А ты лучше помолчал бы, – сказал Том-младший. – Пожалуйста, расскажи мне о нем, папа.

– Некоторые рисунки мистера Паскина могли бы украсить те главы книги мистера Джойса, которые тебе так нравятся.

– Правда? Вот это да!

– В кафе он иногда рисовал твой портрет на салфетках. Он был небольшого роста, большой упрямец и чудак. Почти не снимал с головы котелок и был замечательный художник. У него всегда был вид, будто он знает большой секрет, который узнал недавно, и тот очень его забавляет. Иногда этот секрет как будто его радовал, иногда, напротив, печалил, но всегда было видно, что он есть и этот факт его забавляет.

– А что за секрет?

– Секрет пьянства, и наркотиков, и того, о чем писал мистер Джойс в последней главе, и еще – умения прекрасно рисовать. Тогда он рисовал лучше всех, и это тоже был его секрет, хотя ему до этого не было дела. Он считал, что ему ни до чего нет дела, но это было не так.

– Он был безнравственным?

– Еще каким безнравственным! И это тоже часть его секрета. Ему нравилось быть таким, и он не испытывал угрызений совести.

– А мы с ним дружили?

– Даже очень. Он называл тебя Чудовищем.

– Ого! – радостно произнес Том. – Чудовищем!

– А у нас есть картины мистера Паскина, папа? – спросил Дэвид.

– Есть одна-две.

– А Томми есть на его картинах?

- Нет. По большей части он рисовал Томми в кафе на салфетках и на мраморных столешницах и называл его ужасным, жадно лакающим пиво Чудовищем с Левого берега.
- Запиши себе это, Том, – сказал Дэвид.
- У мистера Паскина было извращенное воображение? – спросил Том-младший.
- Думаю, да.
- Разве ты точно не знаешь?
- Не знаю, но могу предположить. Наверное, это тоже была часть его секрета.
- Но у мистера Джойса не было извращенного воображения.
- Не было.
- И у тебя?
- Нет, – сказал Томас Хадсон. – Думаю, не было.
- А у вас испорченное воображение, мистер Дэвис? – спросил Томми.
- Не думаю.
- Вот и хорошо, – удовлетворенно произнес Том-младший. – Я директору так и сказал: ни у папы, ни у мистера Джойса воображение не испорченное, а теперь могу сказать то же самое и о мистере Дэвисе, если он спросит. Что до меня, он уверен, что мое воображение грязнее некуда. Ну и пусть себе так думает. Я знаю одного мальчика в школе, вот у него воображение действительно грязное, и разница между нами очевидна. А как звали мистера Паскина?
- Жюль.
- Скажи по буквам, – попросил Дэвид.
- Томас Хадсон сказал.
- А что стало с мистером Паскином? – спросил Том-младший.
- Он повесился, – ответил Томас Хадсон.
- Ничего себе! – сказал Эндрю.
- Бедный мистер Паскин, – набожно произнес Том-младший. – Я помолюсь за него сегодня вечером.
- А я помолюсь за мистера Дэвиса, – сказал Эндрю.
- Делай это почаще, – сказал Роджер.

6

Этим вечером, когда мальчики улеглись, Томас Хадсон и Роджер Дэвис сидели в большой комнате и разговаривали. Для подводной охоты море было слишком беспокойным, и после ужина ребята отправились с Джозефом ловить окуньков. Домой они вернулись усталые и довольные, пожелали всем спокойной ночи и пошли спать. Некоторое время было слышно, как они разговаривали между собой, но это продолжалось недолго.

Эндрю боялся темноты, братья знали об этом, но никогда его не дразнили.

- Как думаешь, почему он боится темноты? – спросил Роджер.
- Понятия не имею, – ответил Томас Хадсон. – А ты не боишься?
- Вроде нет.
- А я боялся, – признался Томас Хадсон. – Это о чем-то говорит?
- Не знаю, – сказал Роджер. – Вот смерти боялся. И еще – как бы чего не случилось с братом.
- А я и не знал, что у тебя есть брат. Где он?
- Умер.
- Прости.
- Да нет, ничего. Это было давно, еще в детстве.
- Он был старше?
- На год моложе.

- А что случилось?
- Мы катались на каноэ и перевернулись.
- Сколько тебе тогда было лет?
- Почти двенадцать.
- Не рассказывай, если не хочешь.
- Вряд ли это пошло мне на пользу, – сказал Роджер. – Неужели ты в самом деле ничего не слышал?
- Ничего.
- Долгое время мне казалось, что весь мир об этом знает. В детстве все чувства обострены. Вода была очень холодная, и брат не выдержал. Но хуже всего было то, что я спасся, а он нет.
- Бедняга Роджер.
- Не в этом дело, – сказал Роджер. – Просто в детском возрасте рано сталкиваться с такими вещами. И еще я очень любил брата и всегда боялся, как бы с ним не случилось беды. Вода и для меня была ледяной, но не мог же я оправдываться этим.
- Где это случилось?
- На севере, в Мэне. Кажется, отец так никогда мне этого не простил, хотя и пытался понять. А в моей жизни не было и дня, чтобы я не жалел, что это случилось не со мной. Но так жить нельзя.
- А как звали твоего брата?
- Дэйв.
- Черт! Так ты поэтому отказался от подводной охоты?
- Видимо, да. Хотя я часто этим занимаюсь. Тут никогда не знаешь заранее, как сложится.
- Ты уже достаточно взрослый, чтоб не говорить так.
- Я нырял за ним, но не смог найти, – сказал Роджер. – Там было глубоко, и вода ледяная.
- Дэвид Дэвис, – произнес Томас Хадсон.
- Да. В нашей семье принято первенца называть Роджером, а второго – Дэвидом.
- Ты справился с этим, Родж.
- Нет. С этим нельзя справиться, и раньше или позже приходится это признать. Мне стыдно за себя, как было стыдно за эту драку на причале.
- У тебя нет никакого повода стыдиться.
- Нет, есть. Я тебе уже раз сказал. Не будем к этому возвращаться.
- Хорошо.
- Никогда не стану больше драться. Никогда. Вот ты не дерешься, хотя тут мне не уступишь.
- Тут я тебе как раз уступлю. А кроме того, я принял решение – не вступать в драку.
- Не буду драться, исправлюсь и перестану писать всякую чушь.
- Это лучшее, что я от тебя услышал, – сказал Томас Хадсон.
- Думаешь, я могу написать что-нибудь стоящее?
- Надо попробовать. Отчего ты бросил рисовать?
- Видишь ли, не мог больше себя обманывать. А теперь то же самое и с литературой.
- Ну и что ты хочешь делать?
- Уеду куда-нибудь и напишу настоящий, честный роман, если получится.
- А зачем для этого уезжать? Живи здесь, когда мальчики уедут. У тебя слишком жарко, чтобы работать.
- А я тебя не стесню?
- Нет, Родж, не стеснишь. Мне тоже порой одиноко. Нельзя все время от чего-то убегать. Впрочем, мои слова звучат слишком пафосно. Я замолкаю.
- Нет. Продолжай. Мне это важно.

- Если серьезно решил начать работать, оставайся здесь.
- Тебе не кажется, что на Западе у меня пошло бы лучше?
- Все места одинаковы. Главное – не сбегать оттуда.
- Ты не прав. Не все места одинаковы, – возразил Роджер. – Уж мне ли не знать. Сначала там все хорошо, а потом становится невыносимо.
- Согласен. Но сейчас здесь хорошо. Не знаю, всегда ли так будет, но сейчас здесь прекрасно. После работы тебе будет с кем поговорить и мне тоже. Мешать мы друг другу не будем, и такая жизнь пойдет тебе на пользу.
- Ты правда веришь, что в моих силах написать хороший роман?
- Если не попробуешь – мы этого никогда не узнаем. Из того, что ты рассказал мне сегодня вечером, может получиться, если ты только захочешь, потрясающий роман. Начни с каноэ...
- А чем кончить?
- Это поймешь потом.
- Черт побери! – сказал Роджер. – Я до того испаскудился, что в каноэ могу посадить только прекрасную индианку, к которой потом присоединится молодой Джонс, спешащий предупредить поселенцев о приближении Сесила Б. де Милля. Одной рукой он цепляется за речные водоросли, а другой сжимает «старушку Бетси» – не раз выручавшее его кремневое ружье, а прекрасная индианка радостно восклицает: «Это ты, Джонс! Давай поскорее предадимся любви, пока наша старая лодка скользит к водопаду, который в будущем назовут Ниагарским!»
- Нет, – сказал Томас Хадсон. – В твоём романе будут каноэ, холодная вода озера и младший брат...
- Дэвид Дэвис. Одиннадцати лет.
- И то, что случилось потом. Но это уже будет вымысел – до самого конца.
- Не люблю концов, – сказал Роджер.
- Никто их не любит, – согласился Томас Хадсон. – Но все на свете имеет конец.
- Давай помолчим, – предложил Роджер. – Мне нужно думать о романе. Томми, скажи, почему хорошо писать картины удовольствие, а писать романы настоящая мука? Я никогда хорошо не рисовал, но даже моя мазня доставляла мне удовольствие.
- Не знаю, – ответил Томас Хадсон. – Может быть, в живописи четче выражена традиция и многие предшественники помогают тебе в работе. Даже когда ты отклоняешься от основных завоеваний великого искусства, оно остается твоей опорой.
- А я думаю, что в живопись идут более достойные люди, – сказал Роджер. – Будь во мне больше хорошего, возможно, и из меня получился бы неплохой художник. Но чем черт не шутит, может, во мне достаточно сволочизма, чтобы стать хорошим писателем.
- Ты страшно упрощаешь. Ничего подобного никогда не слышал.
- Я всегда все упрощаю, – согласился Роджер. – Поэтому ни на что и не гожусь.
- Пошли спать.
- Я еще немного посижу – почитаю, – сказал Роджер.
- Спали они хорошо. Томас Хадсон даже не проснулся, когда Роджер пошел спать на веранду. За завтраком стало понятно, что ветер улегся, небо было чистое, и все решили, что день как нельзя лучше подходит для подводной охоты.
- Вы с нами, мистер Дэвис? – спросил Эндрю.
- Разумеется.
- Вот и хорошо, – сказал Эндрю. – Я рад.
- Как ты, Энди? – спросил Томас Хадсон.
- Мне страшно, – признался Эндрю. – Все как обычно. Но с мистером Дэвисом все-таки не так страшно.

– Никогда не бойся, Энди, – сказал Роджер. – Это никуда не годится. Так меня учил твой отец.

– Учить все горады, – сказал Эндрю. – Только и учат. Но я знаю одного по-настоящему умного мальчика, который не боится, – это Дэвид.

– Да будет тебе, – оборвал его Дэвид. – Воображение у тебя слишком сильное.

– А вот мы с мистером Дэвисом всегда боимся, – сказал Эндрю. – Возможно, мы умнее других.

– Дэви, будь осторожнее. Обещаешь? – попросил Томас Хадсон.

– Обещаю, папа.

Эндрю посмотрел на Роджера и пожал плечами.

7

В конце длинного рифа, куда в этот день они отправились на охоту, торчали железные обломки старого, развалившегося судна, его ржавые котлы выступали над водой даже в часы прилива. Сегодня дул южный ветер, и Томас Хадсон бросил якорь с подветренной стороны рифа, но не слишком к нему близко, и Роджер и мальчики вытащили маски и остроги. Остроги были самые примитивные, но разнообразные, изготовленные с учетом вкусов Томаса Хадсона и ребят.

Джозеф приплыл на лодке. Эндрю сел к нему, и они отправились к рифу, а остальные попрыгали в воду с катера и поплыли.

– Ты не с нами, папа? – крикнул Дэвид отцу, стоявшему на мостике катера. Прозрачная маска поверх глаз, носа и лба, с резиновым ободком под носом, за щеками и над лбом, удерживаемая тугой резиновой полосой, охватывающей голову, делала его похожим на персонажа из псевдонаучных комиксов.

– Я присоединюсь к вам позже.

– Смотри не задерживайся, а то всю рыбу распугаем.

– Риф большой. Всем места хватит.

– Я знаю здесь две ямы за котлами, они просто находка. Нашел их, когда мы были здесь одни. Их никто не знает, и рыбы там полно. Я решил не соваться туда до тех пор, пока мы все здесь не окажемся.

– Да, помню. Присоединюсь к вам примерно через час.

– Не полезу туда. Приберегу для тебя, – сказал Дэвид и поплыл за остальными, в правой руке он держал шестифутовую острогу из прочного дерева с двумя прикрученными леской зубьями. Он плыл с погруженным в воду лицом, изучая дно сквозь стекло маски. Это был мальчик-амфибия, и сейчас, когда Дэвид, почерневший на солнце, плыл, выставив наружу только мокрый затылок, он больше чем когда-либо напомнил Томасу Хадсону бобренка.

Он смотрел, как сын неспешно двигается в воде, загибая одной левой рукой и отталкиваясь длинными ногами, и время от времени – реже, чем можно было предположить, – поворачивает голову набок, чтобы сделать вдох. Роджер и старший сын плыли далеко впереди, сдвинув маски на лоб. Эндрю и Джозеф в лодке были по другую сторону рифа, и Эндрю еще не прыгнул в воду. Дул слабый ветер, бурый риф омывался светлой пеной, а вода за ним была темно-синей.

Томас Хадсон спустился в камбуз, там Эдди чистил картошку над ведром, удерживая его коленями. Через иллюминатор он поглядывал в сторону рифа.

– Мальчикам надо держаться вместе, – сказал он. – И поближе к лодке.

– Думаешь, вблизи рифа может быть опасно?

– Вода высокая. Весенние приливы особые.

– А вода какая чистая! – сказал Томас Хадсон.

– В океане полно всяких хищников, – сказал Эдди. – Если они учуют запах рыбы, будет плохо.

– Наши еще ничего не поймали.

– Но с минуты на минуту поймают. Нужно как можно быстрее бросать рыбу в лодку, чтобы в воде не остались ни ее кровь, ни запах.

– Я поплыву к ним.

– Не надо. Просто крикните, чтоб держались вместе и кидали рыбу в лодку.

Томас Хадсон поднялся на палубу и прокричал Роджеру то, что сказал Эдди. Тот поднял острогу и помахал ею в знак того, что все понял.

Подошел Эдди, держа в одной руке кастрюлю, полную картошки, а в другой – нож.

– Взяли бы вы ружье, мистер Том, – то ваше, небольшое хорошее ружье – и поднялись с ним на мостик. Не нравится мне все это. Опасаюсь я за мальчиков в такой сильный прилив. Ведь рядом открытый океан.

– А что, если вернуть их?

– Не надо. Может, я просто нервничаю. Плохо спал ночью. Я так их люблю, будто они мои собственные дети, вот и переживаю. – Эдди поставил кастрюлю с картошкой на палубу. – Вот что я вам скажу. Запускайте мотор, я подниму якорь, подойдем ближе к рифу и встанем там. При таком приливе катер легко развернется на ветру. Подведем его к ним.

Томас Хадсон запустил большой мотор и стал к штурвалу. Эдди поднял якорь, и теперь Томас Хадсон хорошо видел впереди пловцов, видел он и Дэвида, всплывшего на поверхность с бьющейся на остроге рыбой и что-то кричавшего в сторону лодки.

– Поворачивайте катер к рифу! – крикнул ему Эдди с кормы, держа в руках якорь.

Томас Хадсон медленно подвел катер почти вплотную к рифу, теперь ему стали видны верхушки больших коричневых кораллов, черные морские ежи на песке и фиолетовые водоросли, раскачивавшиеся с приливом. Эдди бросил якорь, и Томас Хадсон дал задний ход. Катер развернулся, оставив риф по борту. Эдди травил канат, пока не почувствовал, что он плотно закрепился. Томас Хадсон выключил мотор, и катер закачался на волнах.

– Теперь они у нас на глазах, – сказал Эдди, стоя на носу. – А то прямо изнервничался из-за мальчишек. Волнение расстраивает пищеварение, а у меня оно и так ни к черту не годится.

– Я постою здесь и понаблюдаю за ними.

– А я принесу вам ружье и вернусь к этой проклятой картошке. Мальчики ведь любят картофельный салат? По нашему рецепту?

– Еще как! И Роджер тоже. Только положи в него побольше крутых яиц и лука.

– Картошки у меня будут целыми, не рассыпчатыми. Вот ваше ружье.

Ружье, которое Томас Хадсон взял в руки, казалось объемным и тяжелым в чехле из коротко подстриженной овчины, пропитанной маслом для предохранения ружья от ржавчины на морском воздухе. Он вытащил его за приклад, а чехол незаметно сунул под настил мостика. Это был уже не поступавший в продажу «манлихер-шенауэр-256» с восемнадцатидюймовым стволом устаревшего образца. Ложа и цевье у него потемнели от смазки и трения, приобретя оттенок ядра грецкого ореха, а на месяцами трущемся о седло лоснящемся стволе не было ни пятнышка ржавчины. Щеку ложи отполировала его собственная щека, и когда он оттянул затвор, то увидел, что вращающийся магазин полон гильз, из которых торчали кончики длинных, тонких, заостренных свинцовых пуль.

Грех было хранить такое хорошее ружье на катере, но Томас Хадсон любил его, оно напоминало ему о таком количестве событий, людей и мест, что хотелось всегда держать его рядом. К тому же оно было надежно защищено от соленого воздуха овчинным чехлом. В конце концов, подумал он, ружье предназначено для стрельбы, а не для хранения в чехле. Это ружье и в самом деле было отличным, из него было легко стрелять и обучать стрельбе других, и на катере оно всегда могло пригодиться. Ни одно ружье из всех, что у него были, не давало ему

такой уверенности в стрельбе на близкой и средней дистанции, и Томасу Хадсону доставило большое удовольствие извлечь его из чехла, оттянуть затвор и послать патрон в ствол.

Катер почти застыл на воде, ни прилив, ни легкий бриз не раскачивали его, и Томас Хадсон повесил ружье на рукоятку штурвала, а сам улегся прямо на мостике на надувной матрас. Подставив спину солнцу, он лежал на животе и смотрел, как идет охота у Роджера и мальчиков. Они ныряли, оставались под водой кто сколько мог, выныривали, чтобы глотнуть воздуха, и опять исчезали, время от времени появляясь с рыбой на остроге. Джозеф греб то к одному, то к другому, снимал с зубьев рыбу и бросал ее в лодку. Томасу Хадсону было слышно, как кричит и смеется Джозеф, и, когда тот стряхивал или снимал с зубьев улов и кидал его в затененное место на корме, он видел рыбу с ярко окрашенной чешуей – красную, или красную с коричневыми крапинками, или красно-желтую, или желтую в полосках.

– Эдди, будь другом, дай чего-нибудь выпить, – крикнул он.

– А что вы хотите? – высунулся из кокпита Эдди. На нем была старая фетровая шляпа и белая рубашка, от яркого солнца глаза его покраснели, а губы были смазаны меркурохромом.

– Что у тебя со ртом? – спросил его Томас Хадсон.

– Да было тут вчера кое-что. Я только сейчас смазал. Что, очень заметно?

– Ты похож на уличную шлюху.

– Вот черт! – выругался Эдди. – Все потому, что я мазался внизу, в темноте. Просто на ощупь. Хотите кокосовую воду? У меня есть несколько кокосов.

– Отлично!

– Тогда сделаю «Зеленого Айзека»?

– Пусть так. Делай своего «Айзека».

Томас Хадсон лежал на матрасе, держа голову в тени от приборов в передней части мостика, и когда Эдди принес высокий стакан с холодным напитком из джина, сока лайма, зеленоватой кокосовой воды, кусочков льда и нескольких капель ангостурской настойки, придававшей напитку розовато-рыжий цвет, Томас Хадсон поставил стакан в тень, чтобы лед не таял, пока он смотрит в море.

– Похоже, мальчики стараются, – сказал Эдди. – Будет у нас на обед рыбка.

– А что еще будет?

– К рыбе картофельное пюре. Потом салат из помидоров. А начнем с картофельного салата.

– Звучит недурно. Картофельный салат уже готов?

– Он еще не охладился, Том.

– Эдди, скажи, ты ведь любишь стряпать?

– Еще как люблю! Люблю выходить в море на катере и люблю стряпать. А вот ссоры, драки и прочие неприятности терпеть не могу.

– Однако в таких случаях ты держишься молодцом.

– Я стараюсь, как могу, избежать таких разборок. Иногда, правда, не получается, но я всегда стараюсь.

– А что было вчера вечером?

– Ничего особенного.

Эдди явно не хотел об этом говорить. Не любил рассказывать он и о своем прошлом, хотя там всякое бывало.

– Ладно. А что еще у тебя есть? Ребят нужно накормить досыта. Они растут.

– Я испек пирог и захватил его с собой. Еще держу на льду два свежих ананаса. Нарезу их ломтиками.

– Хорошо. А рыбу как будем готовить?

– Как угодно. Выберем что получше из улова и приготовим, как они и вы с Роджером захотите. Дэвид только что поймал желтохвоста. Одного упустил. А этот большой. Но мальчик далеко от лодки. И рыба у него пока на остроге, а Джо, как назло, направляется в сторону Энди.

Томас Хадсон поставил стакан в тень и встал.

– Бог мой, – сказал Эдди. – Взгляните туда.

На морской синеве, словно коричневый парус, рассекая волны мощными, стремительными ударами хвоста, высокий треугольный плавник быстро приближался к концу рифа, где мальчик в маске держал над водой рыбу.

– Проклятие! – сказал Эдди. – Молот-рыба, черт бы ее побрал!

Позднее Томас Хадсон вспоминал, что в ту минуту его больше всего поразила величина плавника и то, как он двигался зигзагами, точно собака, идущая по следу, при неуклонном движении вперед его словно мотало из стороны в сторону.

Томас Хадсон взял ружье и, целясь чуть впереди плавника, выстрелил. Пуля упала в море перед рыбой, подняв фонтаном воду. Плавник по-прежнему рассекал волны.

– Да бросай ты эту чертову рыбу! – крикнул Дэвиду Эдди и спрыгнул в кокпит.

Томас Хадсон выстрелил снова, и теперь фонтан воды взмыл позади плавника. У него свело судорогой желудок, словно что-то схватило его внутри и не отпускало. Тщательно прицелившись, он выстрелил еще раз, понимая, как много зависит от этого выстрела. Водяной фонтан взметнулся впереди плавника, который продолжал неуклонно двигаться к своей цели. У Томаса Хадсона оставался только один выстрел – патронов больше не было, а акула была всего в тридцати ярдах от мальчика и двигалась, все так же легко разрезая волны. Дэвид снял рыбу с остроги и теперь держал в руках, маску он сдвинул на лоб и пристально смотрел на приближавшуюся акулу.

Томас Хадсон приказал себе не напрягаться и в то же время сосредоточиться, задержать дыхание, ни о чем не думать, кроме выстрела, и, прицелившись чуть дальше основания плавника, который сейчас вихлял больше, чем прежде, нажать на спуск. Но тут он услышал, как с кормы кто-то застрочил из автомата, и увидел, как вокруг плавника забурилась вода. После следующей короткой автоматной очереди вода вскипела у самого основания плавника. Томас Хадсон выстрелил, и тут вновь застрекотал автомат – отрывисто и плотно, и плавник наконец скрылся, взорвав в этом месте воду, и потом молот-рыба – такую огромную он прежде не видел – всплыла белым брюхом вверх и бешено заметалась, взбивая воду, как акваплан. Брюхо противно белело, разверстая пасть шириной около ярда как будто криво усмехалась, глаза на концах огромных рогов расширились, она билась и крутилась в воде. А автомат все разрывал и вспарывал белое брюхо, оставляя на нем темные пятна, которые покраснели прежде, чем акула перевернулась и пошла на дно, продолжая крутиться.

– Загоняйте на борт этих чертовых мальчишек! – услышал он крик Эдди. – Я этого больше не вынесу.

Роджер быстро плыл к Дэвиду, а Джозеф, втащив Энди в лодку, тоже спешил к ним.

– Будь я проклят! – воскликнул Эдди. – Я такой огромной акулы сроду не видывал! Хорошо еще, что она, когда готовится напасть, всплывает на поверхность. Слава богу! Эти мерзавки всегда плывут наверху. Видели, как она шла?

– Дай мне коробку с патронами, – сказал Томас Хадсон. Он весь дрожал, его мутило. – А ну, давайте все сюда! – крикнул он. Роджер и Дэвид подплыли к лодке, и Роджер посадил в нее Дэвида.

– Теперь не опасно и рыбку половить, – сказал Эдди. – Ведь все акулы на нее набросятся. Она весь океан соберет. Видали, как она перевернулась брюхом вверх, а потом закрутилась чертовым колесом? Господи, ну и громадина эта молот-рыба! А мальчуган ведь собрался швырнуть ей рыбу. Ну и Дэви! Ну и молодец!

– Скорей бы они вернулись.

– Это точно. Я просто болтаю. Они скоро будут с нами. Не беспокойтесь.

– Господи, какой это был кошмар! Откуда у тебя этот автомат?

– Комиссар стал ко мне цепляться из-за него, вот я и спрятал его в ящике под койкой.

– Стреляешь ты хорошо.

– Как тут не стрелять, когда эта акула направлялась прямоком к нашему Дэви, который спокойно стоял и ждал, чтобы бросить ей рыбу? Смотрел прямо на приближавшуюся акулу. Чтоб мне такого никогда больше в жизни не видеть!

Лодка подошла к катеру, и все забрались на борт. Мальчики были мокрые и очень возбужденные, а Роджера била дрожь. Он подошел к Эдди и пожал ему руку, а Эдди сказал:

– Нельзя было разрешать им плавать в такой прилив.

Роджер покачал головой и обнял Эдди за плечи.

– Это моя вина, – сказал Эдди. – Я здесь родился. Вы не местные. Вашей вины здесь нет. За все в ответе я.

– Ты ответил как надо, – сказал Роджер.

– Да ладно! – отмахнулся Эдди. – На таком расстоянии никто бы не промазал.

– А ты ее видел, Дэйв? – спросил вежливо Эндрю.

– В самом конце. А до этого только плавник. Я ее увидел еще до того, как Эдди в нее попал и она погрузилась в воду. А потом видел, как она всплывала брюхом кверху.

Эдди растирал Дэвида полотенцем, и Томас Хадсон видел, что ноги, спина и плечи мальчика покрыты гусиной кожей.

– Когда она всплыла и заходила ходуном на спине – это было невероятно, – признался Том-младший. – Ничего подобного в жизни не видел.

– Такое нечасто увидишь, – сказал его отец.

– Похоже, в ней весу не меньше тысячи фунтов, – прикинул Эдди. – Не думаю, что бывают крупнее. Обратили внимание, Роджер, какой у нее плавник?

– Обратил, – ответил Роджер.

– А можем мы ее выловить? – спросил Дэвид.

– Ну уж нет, – сказал Эдди. – Она волчком пошла на дно и сейчас черт знает где. Футов на пятьсот уж точно опустилась, и сейчас весь океан спешит ею полакомиться. Торопятся изо всех сил.

– Жаль, что мы ее не поймали, – сказал Дэвид.

– Успокойся, Дэви, голубчик. По тебе еще мурашки бегают.

– Тебе было страшно, Дэйв? – спросил Эндрю.

– Да, – признался Дэвид.

– А что ты собирался делать? – с уважением спросил Том.

– Бросил бы ей рыбу, – ответил Дэвид, и Томас Хадсон увидел, как волна мурашек снова пробежала по плечам сына. – А потом воткнул бы ей прямо в морду острогу.

– О господи, – сказал Эдди и отвернулся, не выпуская полотенце из рук. – Что будете пить, Роджер?

– У тебя яду не найдется? – спросил его Роджер.

– Прекрати, Роджер, – сказал Томас Хадсон. – Мы все виноваты.

– Кругом виноваты.

– Все позади.

– Ладно.

– Сделаю я, пожалуй, коктейль с джином, – сказал Эдди. – Когда все началось, Том как раз пил такой коктейль.

– Он там так и стоит.

– Теперь он уже никуда не годится, – сказал Эдди. – Я приготовлю вам новый.

– Ты молодчина, Дэви, – с гордостью произнес Том-младший. – Когда я расскажу об этом в школе, у всех глаза на лоб полезут.

– Они не поверят, – сказал Дэвид. – Ничего не рассказывай, если я тоже буду там учиться.

– Почему? – удивился Том-младший.

– Сам не знаю, – сказал Дэвид и вдруг разревелся, как маленький. – Я не стерплю, если они не поверят.

Томас Хадсон взял его на руки и прижал головой к груди, двое других мальчиков отвернулись, Роджер тоже отвел глаза в сторону, и в эту минуту вошел Эдди с тремя стаканами, один он придерживал большим пальцем. Томас Хадсон мог поклясться, что он уже успел пропустить стаканчик внизу.

– Что с тобой, Дэви? – спросил Эдди.

– Ничего.

– Вот и хорошо. Мне по душе такие слова, олух ты царя небесного. Слезай с отцовых рук, кончай хныкать и дай отцу чуток выпить.

Дэвид встал рядом, вытянувшись во весь рост.

– А при отливе здесь можно ловить рыбу? – спросил он у Эдди.

– Лови сколько хочешь. Никто не потревожит, – ответил Эдди. – Здесь мурены водятся, но большая рыба при отливе не зайдет.

– Можно будет в отлив поохотиться, папа?

– Можно, если Эдди так говорит. Здесь теперь Эдди главный.

– Да ладно, Том, – сказал Эдди. Глаза его сияли счастьем, и смазанные ртутью губы тоже сияли, и воспаленные глаза. – Из той штуки любой бы разделался с этой проклятой акулой, а иначе ему и в руки нельзя брать оружие.

– Ты здорово ей вмазал, – сказал Томас Хадсон. – Просто замечательно. У меня даже слов нет.

– Не надо ничего говорить, – сказал Эдди. – Я до конца жизни не забуду, как эта гадина перевернулась брюхом кверху. Видели вы когда-нибудь такую мерзость?

Они сидели в ожидании ленча, и Томас Хадсон смотрел, как Джозеф подгребает к тому месту, где сгинула акула. Перегнувшись через борт, Джозеф смотрел в оптическую трубку.

– Что-нибудь видно? – крикнул ему Томас Хадсон.

– Слишком глубоко, мистер Том. Она ушла под риф. Лежит сейчас на дне.

– Вот бы оставить на память ее челюсти, – сказал Том-младший. – Разве не хотел бы ты, папа, отбелить их и повесить?

– Меня бы тогда кошмары мучили, – признался Эндрю. – Хорошо, что у нас их нет.

– Отличный был бы трофей! – сетовал Том-младший. – В школе бы обзавидовались!

– Но тогда они принадлежали бы Дэйву, – сказал Эндрю.

– Нет, они принадлежали бы Эдди, – возразил Том-младший. – И если бы я попросил, он отдал бы их мне.

– Он отдал бы их Дэйву, – сказал Эндрю.

– Думаю, не стоит тебе опять идти в воду, Дэйв, – сказал Томас Хадсон.

– Пройдет много времени после ленча, – ответил Дэвид. – Все равно нужно дожидаться отлива.

– Я говорю о подводной охоте.

– Эдди сказал, что можно.

– Я слышал. Но все равно волнуюсь.

– Эдди точно знает.

– Тогда просто сделай мне подарок – не лезь в воду.

– Конечно, папа, если ты так хочешь. Только я очень люблю плавать под водой. Больше всего на свете. И если Эдди говорит...

- Ладно, – сказал Томас Хадсон. – Подарки нельзя выпрашивать.
- Папа, ты меня не так понял. Если не хочешь, я не пойду. Но Эдди сказал...
- А мурены? Эдди говорил про мурен.
- Папа, но мурены здесь всегда. Ты сам учил меня не бояться мурен, рассказывал, как обращаться с ними, как их избегать, говорил, в каких они укрываются ямах.
- Это так. Но я отпустил тебя плавать туда, где была эта акула.
- Папа, мы все там были. Не возлагай на себя особой вины. Просто я далеко отплыл и упустил с остроги крупного желтохвоста, кровь попала в воду, и ее почуяла акула.
- Она примчалась как на парах, – сказал Томас Хадсон, пытаясь совладать с охватившими его эмоциями. – Я видел таких быстроходных и прежде. Одна жила у Сигнальной скалы и пулей мчалась на запах наживки. Мне стыдно, что я не прикончил эту акулу.
- Ты почти попал в нее, папа, – сказал Том-младший.
- Вот именно что «почти».
- Не я был ей нужен, папа, – сказал Дэвид. – Она примчалась за рыбой.
- Тебя бы она тоже в покое не оставила, – уточнил Эдди, накрывая на стол. – От тебя пахло этой рыбой и ее кровью, так что зря не обольщайся. Такая могла бы и лошадь разорвать. И вообще все, что угодно. Господи! Хватит об этом. Мне нужно еще выпить.
- Эдди, это правда, что во время отлива охотиться безопасно? – спросил Дэвид.
- Разумеется. Я ведь тебе говорил.
- Так ты, значит, настаиваешь на своем? – спросил Томас Хадсон Дэвида. Он пришел в себя и больше не смотрел на воду, понимая, что сын ведет себя так, как должен, и не важно, почему он так себя ведет, а ему самому нельзя быть эгоистом.
- Папа, я больше всего на свете это люблю, а сегодня самый подходящий день, мы ведь не знаем, когда налетит ветер...
- И Эдди говорит... – перебил его Томас Хадсон.
- Да, и Эдди говорит, – заулыбался Дэвид.
- Эдди говорит, глаза бы мои вас не видели. А ну садитесь все за стол, пока я не выбросил всю стряпню за борт. – Эдди стоял, держа на подносе миску с салатом, блюдо с поджаренной рыбой и картофельное пюре. – А где Джо?
- Поехал искать акулу.
- Ну и псих!
- Когда Эдди пошел вниз, а Том-младший стал передавать тарелки с едой, Эндрю шепнул отцу:
 - Папа, а что, Эдди пьяница?
- Томас Хадсон раздавал холодный салат из маринованного картофеля, посыпанный перцем грубого помола. Это он научил Эдди готовить его так, как готовят в Париже у «Липпа», и этот салат стал одним из лучших блюд, которые Эдди подавал на катере.
 - Ты видел, как он справился с акулой?
 - Конечно, видел.
 - Пьяница бы так не смог.
- Он положил салат на тарелку Эндрю и взял немного себе.
- Я потому спросил, что с того места, где я сидел, было видно, как он в камбузе за короткое время выпил восемь рюмок.
- Это его бутылка, – сказал Томас Хадсон и подложил Эндрю салату. Эндрю быстро все съедал. Он говорил, что научился этому в школе. – Старайся есть помедленнее, Энди. А Эдди всегда приносит на катер свою бутылку. Все хорошие повара понемногу пьют. А некоторые и помногу.
- Я видел, как он выпил восемь рюмок. Подождите! Он наливает девятую.
- Да хватит тебе, Эндрю, – сказал Дэвид.

– Перестаньте, – сказал Томас Хадсон обоим.

Тут вмешался Том-младший:

– Замечательный человек спасает жизнь твоему брату, потом пропускает рюмашку или даже несколько рюмашек, и ты обзываешь его пьяницей. Кто ты после этого?

– Я его не обзывал. Только спросил у папы, не пьяница ли он. Сам я ничего не имею против пьяниц. Просто хочу знать, кто пьяница, а кто нет.

– Когда заработаю первые деньги, сразу куплю Эдди бутылку того, что он любит, и сам с ним ее разопью, – с важным видом произнес Том-младший.

– Это еще что такое? – В люке показалась голова Эдди в съехавшей на затылок старой фетровой шляпе, отчего стала видна незагорелая часть его лица, в уголке смазанного меркурохромом рта торчала сигара. – Если увижу, что вы пьете что-нибудь крепче пива, сразу выбью дурь из ваших голов. Изю всех трех. Хватит болтать о спиртном. Хотите еще картофельного пюре?

– Да, пожалуйста, Эдди, – попросил Том-младший, и Эдди пошел вниз.

– Вот уже десятая рюмка, – сказал Эндрю, глядя в люк.

– Да заткнись ты, всадник, – осадил его Том-младший. – Имей уважение к великому человеку.

– Возьми еще рыбы, Дэвид, – сказал Томас Хадсон.

– А где тут мой большой желтохвост?

– По-моему, его еще не поджарили.

– Тогда я возьму вот эту желтенькую.

– Какая она сладкая!

– Когда ловишь на острогу, рыбу лучше есть сразу – тогда она еще вкуснее, потому что вся кровь из нее вышла.

– Папа, можно пригласить Эдди выпить с нами? – спросил Том-младший.

– Можно, – ответил Томас Хадсон.

– Он уже пил с нами. Вы что, не помните? – вмешался Эндрю. – Когда мы пришли, он сразу с нами выпил. Помните?

– Папа, можно я приглашу его еще с нами выпить и поесть тоже?

– Конечно, – сказал Томас Хадсон.

Том-младший пошел вниз, и Томас Хадсон слышал, как он говорит:

– Эдди, папа говорит, чтобы вы приготовили себе выпивку, поднялись к нам, выпили и поели.

– Да нет, Томми, – сказал Эдди. – Никогда не ем днем. Только утром и вечером.

– Тогда хоть выпейте с нами.

– Я уже пропустил пару стаканчиков.

– Выпейте еще один со мной, а я выпью пива.

– Что ж, давай, – сказал Эдди. Томас Хадсон услышал, как хлопнула дверца холодильника. – За тебя, Томми.

Было слышно, как звякнули две бутылки. Томас Хадсон взглянул на Роджера, но тот смотрел на океан.

– За вас, Эдди, – послышался голос Тома-младшего. – Для меня большая честь выпить с вами.

– Да ладно, Томми, – ответил Эдди. – Это для меня честь пить с тобой. У меня прекрасное настроение, Томми. Ты видел, как я пришил эту чертову акулу?

– Конечно, видел, Эдди. Может, все-таки присоединитесь к нам?

– Нет, Томми. Правда не хочу.

– Можно я здесь постою, чтобы вам не пить в одиночку?

– Ну уж нет, Томми. Ты что-то спутал. Вовсе мне пить не надо. Мое дело что-нибудь приготовить и заработать на жизнь. Просто у меня прекрасное настроение. Ты видел, Томми, как я ее подстрелил? Видел?

– Да лучше этого я ничего не видел, Эдди. Я вот подумал, вдруг вы хотите, чтобы с вами кто-то постоял, и тогда вы не будете чувствовать себя одиноким.

– Никогда в жизни я не чувствовал себя одиноким, – сказал Эдди. – Я счастлив, и у меня есть здесь кое-что, от чего я стану еще счастливее.

– В любом случае, Эдди, мне хотелось бы побыть с вами.

– Нет, Томми. Возьми вот это блюдо с рыбой и иди к своим. Там твое место.

– Но я все-таки вернусь к вам.

– Я не болен, Томми. Будь я болен, мне было бы приятно видеть тебя рядом. Напротив, я чувствую себя так хорошо, как никогда в жизни.

– А вам хватит этой бутылки?

– С лихвой. А не хватит, позаимствую у Роджера или у твоего отца.

– Что ж, тогда отнесу рыбу наверх, – сказал Том-младший. – Я ужасно рад, что вам хорошо, Эдди. Это просто замечательно.

Том-младший принес к столу блюдо с желтохвостом, желтыми и белыми окунями и прочей рыбой. Поджаренную до золотистой корочки рыбу, надрезанную по бокам треугольниками до белого мяса, Том стал передавать всем за столом.

– Эдди просил всех благодарить за приглашение, но он уже выпил, – сказал Том-младший. – А днем он не ест. Ну как, рыба вкусная?

– Не оторвешься, – ответил Томас Хадсон. – Ешь, пожалуйста, – сказал он Роджеру.

– Ладно, – ответил Роджер. – Попробую.

– А вы еще ничего не ели, мистер Дэвис? – спросил Эндрю.

– Нет, Энди. Но теперь поем.

8

Просыпаясь ночью, Томас Хадсон слышал спокойное дыхание спящих сыновей. При свете луны ему были видны все трое и спящий Роджер тоже. Теперь тот спал крепко и почти не ворочался во сне.

Томасу Хадсону было радостно, что сейчас они все вместе, и он не хотел думать о том времени, когда дети уедут. До приезда мальчиков он жил вполне счастливо, научившись за последние годы жить и работать, не давая чувству одиночества захватить его целиком, однако с появлением сыновей созданный защитный барьер рухнул и теперь надо было очередной раз привыкать к новому состоянию. Обычный, приносящий ему удовлетворение жизненный уклад состоял из упорной работы, житейских забот, уходу за вещами, еды и выпивки, чтению новых книг и перечитыванию старых. В этой жизни получение ежедневной газеты было событием, а ее нерегулярное поступление разочарованием. У него было много придумок, которые изобретают одинокие люди, чтобы спастись от одиночества и даже побороть его, он создал свои правила и привычки, к которым прибегал сознательно и бессознательно. Но с приездом мальчиков они были уже не нужны, и Томас Хадсон чувствовал большое облегчение.

Но потом, когда все вернется на свое место, думал он, будет тяжело. Он прекрасно знал, как оно бывает. Первые полдня будет даже приятно видеть дом чистым, думать и читать в тишине, молча смотреть на предметы, ничего о них не говоря, работать в полную силу, не боясь, что тебе помешают, но потом, он знал, подступит одиночество. Три мальчика вновь заполнили его жизнь и, уехав, оставят пустоту, которая еще долго будет ощущаться.

В основе его существования лежали работа и жизнь на острове вблизи Гольфстрима, вот они и помогут ему прийти в норму. Все его уловки, привычки и обычаи были предназначены,

чтобы скрасить одинокое существование, но он знал, что теперь с отъездом мальчиков перед ним откроются просторы для нового одиночества. Но с этим уж ничего не поделаешь. Все это наступит позднее, и раз уж разлуки не избежать, нет нужды страшиться ее раньше времени.

А пока лето всех радовало. То, что могло сложиться плохо, оборачивалось хорошо. И это относилось не только к таким драматическим событиям, как драка Роджера с яхтсменом на причале, которая могла очень плохо кончиться, или к встрече Дэвида с акулой, а к обычным незначительным вещам. Считается, что счастье скучно, думал он, лежа с открытыми глазами, но это, наверное, потому, что скучные люди часто счастливы, а люди умные и интересные умудряются всех вокруг, включая себя, сделать несчастными. Сам он никогда не считал счастье скучным. Ощущение счастья казалось ему самым волнующим состоянием, оно, по его мнению, может по силе не уступать горю, если только люди умеют быть счастливыми. Возможно, это не так, но Томас Хадсон долгое время в это верил, а этим летом атмосфера счастья длилась уже целый месяц, и по ночам он уже тосковал, что это скоро закончится.

Он знал почти все о жизни в одиночестве, и он также знал, что такое жить с тем, кого любишь и кто любит тебя. Детей он любил всегда, но никогда раньше так остро не осознавал, насколько сильно их любит и как плохо то, что он живет не с ними. Ему бы хотелось, чтобы они всегда были рядом и чтобы мать Тома оставалась его женой. Глупое желание, подумал он, такое же глупое, как стремление обрести все богатство мира и разумно им распорядиться, или рисовать как Леонардо, или стать живописцем, как Питер Брейгель, или обладать полной властью над всяким злом, безошибочно его распознавать и пресекать каким-нибудь простым способом, вроде нажатия кнопки, и при всем этом оставаться здоровым, жить вечно, не разрушаясь ни умом, ни телом. Хорошо бы все это иметь, думал он по ночам. Но это невозможно, как и то, чтобы дети жили с ним, а те, кого он любил, были бы живы, если они умерли или ушли из его жизни. Но среди невозможного кое-что было возможно, и прежде всего умение радоваться счастью и наслаждаться каждой минутой, пока оно есть. Прежде многое делало его счастливым. Но сейчас в этом месяце четыре человека принесли ему столько радости, сколько когда-то мог доставить ему один человек, и пока печалиться было не о чем. Совсем не о чем печалиться.

Его не беспокоило даже то, что он не спит, но было время, и он его помнил, когда сон тоже не шел к нему, и он лежал ночами, думая, какого же он свалил дурака, потеряв троих мальчишек. Думал он и о том, что делал некоторые вещи, потому что не мог иначе, или думал, что не может, и совершал одну за другой непоправимые ошибки. Но теперь все осталось в прошлом, и угрызения совести больше не мучили его. Он был дураком, а дураков он не любил. С этим покончено, мальчики были с ним, он их любил, и они его любили. Пусть все пока так и идет.

В конце отпущенного срока сыновья уедут, и он опять почувствует одиночество. Но оно будет длиться только какое-то время и закончится, как только мальчики снова вернутся к нему. Будет легче, если Роджер останется работать на острове и составит ему компанию. Но с Роджером никогда нельзя знать наверняка. Он улыбнулся в ночной тишине, подумав о Роджере, и даже пожалел его, но тут же решил, что это предательство по отношению к другу, который терпеть не мог, чтоб его жалели, и, отогнав эти мысли, уснул под мерное дыхание спящих.

Но проснувшись снова от падавшего на лицо лунного света, он вновь подумал о Роджере и о его запутанных отношениях с женщинами. Они оба вели себя с женщинами глупо и неправильно, но о своих ошибках ему думать не хотелось, поэтому он стал думать об ошибках Роджера.

Я его не жалею, решил он, поэтому это не будет предательством. Ведь я и сам побывал во многих сложных обстоятельствах, так что нет ничего нечестного, если я думаю о его трудностях. У меня иное положение: по-настоящему я любил только одну женщину и потерял ее. И хорошо знаю, почему так случилось. Но я запретил себе об этом вспоминать и, может быть,

не стоит мне думать и о Роджере. Однако этой ночью, когда лунный свет, как обычно, не давал ему спать, он все-таки стал думать о друге и его иногда серьезных, иногда комических осложнениях с женщинами.

Он вспомнил последнюю девушку, в которую Роджер был влюблен, когда они оба жили в Париже, и какой красивой она была и какой фальшивой ему показалась, когда Роджер впервые привел ее в студию. Сам Роджер ничего такого в ней не видел. Она была еще одной из его иллюзий, и он дарил ей свой огромный дар верности, пока не отпали препятствия к их браку. И вот тогда, спустя месяц после того, как уже всем стало о ней все понятно, прозрел и Роджер. Наверное, это был тяжелый для него день, и процесс постепенного привыкания к новому состоянию несколько затянулся, но именно тогда Роджер пришел к нему в мастерскую, осмотрел картины и сделал несколько критических и дельных замечаний. А потом сказал:

– Я сказал Айерс, что не женюсь на ней.

– Ясно, – сказал Томас Хадсон. – Она удивилась?

– Не очень. Мы уже с ней об этом говорили. Она лгунья.

– Вот как! – сказал Томас Хадсон. – В каком смысле?

– Во всех. Куда ни копни!

– Мне казалось, она тебе нравится.

– Нет. Я старался, чтоб она мне понравилась. Но это удавалось только вначале. Я просто был влюблен.

– Что значит – был влюблен?

– Сам должен знать.

– Да, – согласился Томас Хадсон. – Я должен бы знать.

– Разве она тебе не нравилась?

– Нет. Терпеть ее не мог.

– А почему молчал?

– Она ведь была твоей девушкой. И ты меня не спрашивал.

– Я ей сказал. Но нужно, чтобы на этом все кончилось.

– Уезжай куда-нибудь.

– Нет, – ответил Роджер. – Пусть она уезжает.

– Я подумал, так будет проще.

– Этот город столько же мой, сколько и ее.

– Знаю, – сказал Томас Хадсон.

– Ты ведь тоже бывал в таком положении, так ведь? – спросил Роджер.

– Да. Выиграть тут нельзя. Но можно постараться избежать столкновения. Почему бы тебе не сменить quartier?¹⁶

– Мне и здесь хорошо, – ответил Роджер.

– Помню эту формулу. Je me trouve tres bien ici et je vous prie de me laisser tranquille¹⁷.

– Она начинается словами: je refuse de recevoir ma femme¹⁸, – сказал Роджер. – Это говорят huissier¹⁹. Но у нас не развод, а всего лишь разрыв.

– А тебе не будет тяжело ее видеть?

– Нет. Это скорее меня излечит. И еще ее болтовня.

– А что будет с ней?

– Пусть сама разбирается. Соображения у нее хватит. В последние четыре года она это доказала.

¹⁶ Квартал, квартиру (*фр.*).

¹⁷ Мне здесь хорошо, и я прошу вас оставить меня в покое (*фр.*).

¹⁸ Я отказываюсь видеть у себя мою жену (*фр.*).

¹⁹ Судебному исполнителю (*фр.*).

– Пять, – уточнил Томас Хадсон.

– Ну, в первый год она не притворялась.

– Тебе все-таки лучше уехать. Если ты считаешь, что в первый год она не притворялась, тебе надо быстрее уносить ноги.

– Она умеет писать такие письма, что за душу берет. Нет, уехать еще хуже. Я останусь здесь и пойду в разгул. Это поможет исцелиться навсегда.

Расставшись с девушкой из Парижа, Роджер действительно загулял. Он шутил по этому поводу и посмеивался над собой, но в душе сердился, что сваял такого дурака, и всячески старался заглушить самый большой свой талант, помимо литературного, живописного и прочих замечательных человеческих и животных качеств, – талант хранить верность в любви и дружбе. Когда он пребывал в загуле, с ним было неприятно общаться, да и себе он был противен и, понимая это, злился и находил удовольствие в том, что сокрушал столпы храма. А храм был прекрасный и прочный, и когда он внутри тебя, его не так легко разрушить. Но Роджер старался изо всех сил.

У него были одна за другой три девушки, с каждой из которых Томас Хадсон мог держаться только в рамках приличия, не больше, а появление последних двух оправдывало разве что их сходство с первой. Первая девушка возникла вскоре после его разрыва с обманщицей и явно не дотягивала до уровня Роджера, хотя впоследствии сделала блестящую карьеру – и не только в постели, отхватив крупный кусок одного из крупнейших состояний Америки, а затем снова вышла удачно замуж. Ее звали Танис, и Томас Хадсон помнил, как морщился Роджер каждый раз, когда слышал это имя, и сам никогда его не произносил; во всяком случае, никто этого не слышал. Он звал ее «суперсучка». У нее были темные волосы, великолепная кожа – так могла выглядеть юная, ухоженная и изощренно порочная представительница семейства Ченчи. Нравственность у нее была на уровне пылесоса, душа как у тотализатора, отличная фигура и хорошенечкое, злое личико, а Роджер был ей нужен как первая ступень к хорошей жизни.

Она была первой женщиной, бросившей Роджера, и это произвело на него такое сильное впечатление, что он завел двух новых подружек, которые были настолько похожи на прежнюю, что казались ее сестрами. Он бросил их обеих, бросил почти в прямом смысле этого слова, и Томасу Хадсону казалось, что это ему помогло, хотя и не до конца.

Наверное, существуют более деликатные и тонкие способы расставаться с женщиной, чем без всяких на то оснований, ссор и обид отправиться, извинившись, в мужскую комнату ресторана «21» и не вернуться. Как рассказывал Роджер, он расплатился внизу, и ему было приятно вспоминать женщину такой, какой он видел ее в последний раз – сидящей за угловым столиком в столь приятной и любимой ее обстановке.

Вторую он собирался бросить в «Аисте», ее любимом ресторане, но он боялся, что это не понравится мистеру Биллингсли, у которого он как раз собирался занять денег.

– И где же ты ее бросил? – спросил его Томас Хадсон.

– В «Эль-Морокко». Так что мне она запомнится на фоне полосатых зебр. Ей нравился «Эль-Морокко», – сказал он. – Но сердце ее покорил «Сноб».

После этого Роджер спутался с женщиной, чья внешность была настолько обманчива, что таких Томас Хадсон в жизни своей не встречал. Она была полной противоположностью тому типу Ченчи или Борджиа с Парк-авеню, к которому принадлежали трое последних. Здоровый цвет лица, рыжеватые волосы, длинные, стройные ноги, отличная фигура и умное, живое лицо. Красавицей ее нельзя было назвать, но смотреть на нее было приятней, чем на многих других. Глаза были особенно хороши. Но эта умная, милая и очаровательная на первый взгляд женщина была законченной алкоголичкой. Она не напивалась в дым, и ее алкоголизм не бросался в глаза. Но без алкоголя жить уже не могла. Обычно пьяницу узнаешь по глазам, например, когда Роджер уходит в запой, это сразу видно. Но по прекрасным карим глазам Кэтлин, которые так хорошо сочетались с цветом волос и россыпью прелестных веснушек на носике и щеках,

говоривших о здоровье и добродушном характере, ничего этого распознать было нельзя. Она выглядела как человек, который занимается парусным спортом или еще чем-то здоровым на свежем воздухе, и вид у нее был счастливой девушки. А она вела жизнь обычной пьяницы. Она мчалась по некой странной дороге в неизвестном направлении и на какое-то время прихватила с собой Роджера.

Но как-то утром он пришел в мастерскую Томаса Хадсона, которую тот арендовал в Нью-Йорке, и вся тыльная сторона его руки была в ожогах от сигарет. Будто кто-то тушил сигарету за сигаретой о столешницу, только на этот раз столешницей была рука Роджера.

– Вот такая прихоть возникла у нее вчера вечером, – сказал он. – Есть у тебя йод? Не хочется в таком виде идти в аптеку.

– У кого «у нее»?

– У Кэтлин. У нашей здоровой спортсменки.

– И ты разрешил?

– Похоже, это ее забавляло, а мы обязаны развлекать своих дам.

– Но у тебя вся кожа сожжена.

– Не так уж сильно. Но я хочу на какое-то время уехать из города.

– От себя не убежишь.

– Знаю. Но зато убегу от других.

– Куда думаешь податься?

– Куда-нибудь на Запад.

– Смена места не лекарство от того, что с тобой происходит.

– Верно. Но здоровая жизнь и работа только помогут. Один отказ от алкоголя меня не спасет. Но и пьянство тоже не поможет.

– Что ж, тогда уезжай ко всем чертям. Хочешь поселиться у меня на ранчо?

– А ты его не продал?

– Часть оставил себе.

– Если ты не против, я там поживу.

– Конечно, – сказал Томас Хадсон. – Но сейчас там до весны грязь по колено, да и весной не лучше.

– Трудностей я не боюсь, – заявил Роджер. – Я начинаю новую жизнь.

– В который раз?

– Далеко не в первый, – сказал Роджер. – И нечего все время напоминать мне об этом.

И вот сейчас он опять собирался начать все заново, и как все обернется на этот раз? Как он мог думать, что можно чего-то добиться, растрачивая свой талант, работая на заказ и следуя формуле: чем больше денег, тем лучше и правдивее ты пишешь? Все, что делает художник или писатель, – всего лишь этап ученичества и подготовка к тому, что еще предстоит сделать. А Роджер растратил, погубил свой талант, надругался над ним. Хотя, возможно, у него достанет животной силы и живого ума еще на одну попытку. Томас Хадсон верил, что любой, наделенный талантом человек, если будет предельно честным, может написать одну хорошую книгу. Но в те годы, когда Роджер должен был готовиться к этому, он нещадно эксплуатировал свой талант, и как знать, не истратил ли он его совсем? Не говоря уже о мастерстве, думал Томас Хадсон. Нельзя пренебрегать мастерством, не совершенствовать его или даже презирать, пусть только на словах, и в то же время надеяться, что в случае необходимости, когда понадобится, оно будет к твоим услугам. Мастерству нет замены, думал Томас Хадсон. И таланту тоже нет, их нельзя хранить про запас. Мастерство должно пребывать в тебе. В твоём сердце, в твоей голове, в каждой частице тебя. И так же талант. Это не набор инструментов, которыми ты наловчился пользоваться.

Художнику проще, думал он, потому что в его работе задействовано больше вещей. Преимущество еще и в том, что работаешь руками, наше ремесло реально осязаемо. А Роджеру

для начала придется использовать то, что в его голове притупилось, извратилось, опошлилось. Но в глубине его души хранится нечто высокое, здоровое, прекрасное. Если бы я был писателем, думал он, то относился бы к слову очень бережно. В Роджере есть стержень, и если он сможет писать так, как он дрался на причале, это будет жестко, но очень талантливо. И если он сможет мыслить так же здраво, как после той драки, тоже будет хорошо.

Лунный свет сместился с изголовья кровати Томаса Хадсона, и постепенно мысли о Роджере оставили его. Думай не думай – ничего не изменишь. Либо он сам все сделает, либо нет. Хотя будет здорово, если у него все получится. Хотелось бы ему помочь. А может, мне это и удастся, подумал он и через минуту уже спал.

9

Солнечный свет разбудил Томаса Хадсона, он встал и пошел на пляж, немного поплавал и, вернувшись, позавтракал раньше, чем проснулись остальные. Эдди сказал, что сильного ветра ожидать не приходится, возможно, будет даже безветренно. Он также сказал, что со снастью на катере все в порядке и посланный мальчишка скоро принесет наживку.

Томас Хадсон спросил, хорошо ли он проверил снасти: на лов крупной рыбы они давно в море не выходили, и Эдди ответил, что все проверил и испорченную леску выбросил. И прибавил, что стоило бы достать еще немного лески в тридцать шесть нитей, а также в двадцать четыре. Томас Хадсон обещал проследить за этим. А пока Эдди заменил негодную леску прочной и намотал ее на две большие катушки. Он также почистил и заострил все крупные крючки и проверил все приманки и шарниры.

– Когда ты все успел?

– Допоздна чинил снасти, – ответил Эдди. – И новую сеть привел в порядок. Все равно с этой чертовой луной не уснуть.

– Значит, и тебе в полнолуние не спится?

– Хоть на стенку лезь, – сказал Эдди.

– Как думаешь, Эдди, действительно вредно спать, когда луна светит в лицо?

– Так старики говорят. Сам я не знаю. Но мне всегда в такие ночи не по себе.

– Как тебе кажется, сегодня нам повезет?

– Кто его знает. В это время года здесь ходит большая рыба. Вы собираетесь идти к Айзексову маяку?

– Мальчики туда хотят.

– Тогда надо выходить сразу после завтрака. Для ленча я ничего специально стряпать не буду. Есть салат из морепродуктов, картофельный салат и пиво, и еще я сделаю сэндвичи. Для сэндвичей с прошлого раза осталась ветчина, есть зеленый салат, горчица и чатни²⁰. Горчица мальчишкам не повредит?

– Думаю, не повредит.

– Когда я был мальчишкой, мы ее не ели. А вот чатни – отличная штука. Вы ели его с сэндвичем?

– Нет.

– Когда попробовал чатни в первый раз, не понял, что это такое, и решил есть, как джем. Очень вкусно. Иногда кладу его в кукурузную кашу.

– Почему бы нам на днях не приготовить карри?²¹

– Мне следующим рейсом привезут баранью ногу. Пару раз приготовим жаркое, впрочем, скорее, один раз при таких едоках, как Том-младший и Эндрю, остальное останется на карри.

²⁰ Кисло-сладкая фруктово-овощная приправа.

²¹ Мясное блюдо, сдобренное острой приправой карри.

– Отлично. Что мне сделать до выхода в море?

– Ничего, Том. Только всех соберите. Давайте приготовлю вам чего-нибудь выпить? Вы ведь сегодня не работаете. Можно и пропустить стаканчик.

– Выпью за завтраком холодного пива.

– Тоже хорошо. Прочищает глотку.

– Джо здесь?

– Нет. Он пошел за мальчиком, которого послали за наживкой. Принести вам завтрак сюда?

– Не надо. Я пойду на катер.

– Лучше выпейте бутылочку холодного пивка и почитайте газету. Катер в полной готовности. Сейчас принесу завтрак.

На завтрак было рагу из говядины, залитое яйцом, кофе, молоко и большой стакан охлажденного грейпфрутового сока. Томас Хадсон не притронулся ни к кофе, ни к соку, а сразу принялся за рагу, запивая холодным пивом «Хейнекен».

– Поставлю сок охлаждаться для ребят, – сказал Эдди. – А все-таки хорошо утром выпить пивка?

– Так и спиться недолго.

– Вы никогда не сопьетесь, Том. Слишком уж любите свою работу.

– И все-таки когда утром выпьешь, чувствуешь себя превосходно.

– Не то слово. Особенно после такого пива, как это.

– А вот совмещать выпивку с работой невозможно.

– Сегодня вы не работаете, так в чем проблема? Допейте эту, и я принесу вам еще бутылочку.

– Нет. Хватит и одной.

Они отчалили в девять часов, когда уже начался отлив. Томас Хадсон стоял на мостике у штурвала и, проведя катер мимо отмели, направил его прямо к темной полосе Гольфстрима. Вода была такая спокойная и чистая, что дно и раскачивающиеся водоросли были отчетливо видны на глубине тридцати морских саженей. На глубине сорока саженей они становились более расплывчатыми, а по мере приближения к Гольфстриму вода темнела все больше, и дно скрылось.

– Какой чудесный день, папа, – сказал Том-младший. – И море спокойное.

– Да, спокойное. А видишь вон те завитки вдоль линии Гольфстрима?

– Разве это не та же вода, что у нашего берега?

– Не всегда. Сейчас отлив, и он отогнал Гольфстрим от входа в гавань. Течение подходит ближе к непрерывной береговой линии.

– Отсюда вода у берега кажется такой же синей, как и здесь. А почему Гольфстрим такой синий?

– Плотность воды разная. И состав у нее другой.

– На глубине она гораздо темнее.

– Только когда смотришь сверху. Иногда из-за планктона она кажется почти фиолетовой.

– Почему?

– Потому что к синему цвету примешивается красный. Думаю, поэтому. Красное море называют красным именно из-за планктона. Его там несметное количество.

– Тебе понравилось Красное море, папа?

– Очень. Стояла ужасная жара, но таких красивых рифов я нигде больше не видел, а рыбы там полно и в сезон зимних и летних муссонов. Тебе бы там понравилось, Том.

– Я прочел о Красном море две книги мистера де Монфрида на французском языке. Очень интересные. Он был работоторговцем. Не из тех, кто в наше время поставляет белых рабынь. А настоящим работоторговцем старых времен. Он друг мистера Дэвиса.

– Знаю, – сказал Томас Хадсон. – Я с ним тоже знаком.

– Мистер Дэвис рассказывал мне, что, когда мистер де Монфрид возвращался в Париж после очередной сделки и ехал куда-нибудь с дамой, он просил шофера откинуть верх автомобиля и прокладывал маршрут по звездам. Предположим, мистеру де Монфриду нужно проехать от моста Согласия к церкви Мадлен. Он не говорит шоферу просто: везите меня к Мадлен. Или «пересеките площадь Согласия и поезжайте по рю Ройяль», как сделали бы мы с тобой, папа. Нет, мистер де Монфрид определял путь к Мадлен по Полярной звезде.

– Никогда не слышал этой истории, – сказал Томас Хадсон. – Зато слышал о нем много других.

– Довольно сложно таким способом ориентироваться в Париже, правда, папа? Мистер Дэвис одно время тоже хотел заняться работорговлей вместе с мистером де Монфридом, но что-то этому помешало. Не помню, что именно. Впрочем, вспомнил. Мистер де Монфрид как раз завязал с работорговлей и переключился на торговлю опиумом. Вот так все было.

– А что, торговать опиумом мистер Дэвис не захотел?

– Не захотел. Помню, он сказал, что предоставляет право торговать опиумом мистеру Де Куинси²² и мистеру Кокто. Он сказал, что они в этом так преуспели, что будет несправедливо им мешать. Это его замечание я не очень понял. Папа, ты всегда отвечаешь на вопросы, но обычно мои многочисленные приставания нарушают течение беседы, так что я решил просто запоминать то, что не понимаю, и спрашивать в удобное время, и это будет как раз одним из моих вопросов.

– У тебя, наверное, много их накопилось?

– Думаю, сотни. А может, и тысячи. Но я каждый год от многих избавляюсь, потому что нахожу ответы сам. Хотя кое о чем все равно придется спросить. В этом году составляю список таких вопросов для школьного сочинения. Некоторые очень для этого подойдут.

– Тебе нравится в школе, Том?

– Школа – одна из вещей, с которыми приходится мириться. А любить ее вряд ли кто любит, особенно если занимался чем-то более интересным.

– Не знаю. Что до меня, школу я ненавидел.

– И художественную школу тоже?

– Да. Мне нравилось учиться рисовать, но не по школьной программе.

– Вообще-то я против школы ничего не имею, – сказал Том. – Но после того как в твоей жизни были такие люди, как мистер Джойс, мистер Паскин, ты и мистер Дэвис, общество сверстников уже не так интересно.

– Но тебе там, по крайней мере, не скучно?

– Нет. У меня много друзей, я люблю спорт, кроме тех игр, где все сводится к перекидыванию мяча, и еще я усердно занимаюсь. Но, папа, это не настоящая жизнь.

– Я тоже всегда так думал, – сказал Томас Хадсон. – Однако стараешься насколько возможно ее разнообразить.

– Я так и делаю. Стараюсь разнообразить свое существование, но не всегда получается.

Томас Хадсон посмотрел в сторону кормы, где за катером по спокойной поверхности моря бежала пенная дорожка и тянулись две наживки, то погружаясь во взбаламученную катером воду, то выпрыгивая из нее. Дэвид и Эндрю сидели в рыболовных креслах, с удильщиками в руках. Томасу Хадсону были видны их спины. Ребята не отрывали глаз от лески. Переведя взгляд, Томас Хадсон увидел, как впереди резвится тунец – то одна рыбка, то несколько выпрыгивали из воды без шума и плеска, всплывали, не нарушая спокойствия воды и золотясь

²² Томас Де Куинси (1785–1859) – английский эссеист и критик. В 1822 году издал автобиографическую повесть «Исповедь англичанина, курильщика опиума» с описанием визионерства.

спинками на солнце, а потом, как опытные ныряльщики, бесшумно уходили под воду головой вниз.

– Рыба! – услышал Томас Хадсон крик Тома-младшего. – Рыба! Вон она! Прямо за тобой, Дэйв! Смотри!

Томас Хадсон видел, как вода словно вскипела за кормой, но сама рыба не показывалась. Дэвид надежнее закрепил удилище и не спускал глаз с лески, перекинутой через аутригер. Леска медленно разматывалась длинными кольцами, но, касаясь воды, сразу натягивалась и начинала стремительно, под углом разрезать воду.

– Подсекай ее, Дэйв! Подсекай смелей! – крикнул Эдди из люка.

– Подсекай, Дэйв! Ради бога, подсекай! – взмолился Эндрю.

– Заткнись, – сказал ему Дэвид. – Я ее веду.

Он не спешил подсекать, и леска продолжала разматываться, уходя в воду под тем же углом, удилище изогнулось, и мальчик изо всей силы удерживал его. Томас Хадсон сбросил скорость, и катер теперь медленно покачивался на воде.

– Ну, подсекай же, – умолял Эндрю. – Или дай я подсеку.

Но Дэвид только крепко сжимал удилище, глядя, как леска движется под тем же углом. Тормоз он снял совсем.

– Это меч-рыба, папа, – сказал он, не поднимая глаз. – Я видел меч, когда она схватила наживку.

– Что ты говоришь! – воскликнул Эндрю. – Ну и дела!

– Ну, теперь тебе, пожалуй, и правда надо подсекать, – встал рядом с мальчиком Роджер. Он откинул спинку сиденья и закрепил ремни. – Подсекай, Дэйв, не тяни!

– Думаете, крючок глубоко вошел? – спросил Дэвид. – Может, она просто держит его во рту и плывет с ним?

– Так лучше подсечь, пока она его не выплюнула.

Дэвид уперся крепче ногами, закрепил тормоз на катушке и с силой дернул, ощутив большой вес на конце лески. Он дернул еще раз и еще, удилище при этом изогнулось, как лук. Леска продолжала раскручиваться. Рыба не поддавалась.

– Подсекай еще, Дэйв, – сказал Роджер. – Вгони крючок глубже.

Дэвид изо всех сил дернул снова, леска бешено закрутилась, а удилище изогнулось так сильно, что мальчик еле его удержал.

– Слава богу! – сказал он благочестиво. – Кажется, она заглотила.

– Теперь не тяни так, – посоветовал Роджер. – А ты, Том, разворачивайся помаленьку и следи за леской.

– Есть разворачиваться и следить за леской, – повторил Томас Хадсон. – Ты в порядке, Дэйв?

– Еще в каком порядке! – ответил Дэйв. – Только бы выловить эту рыбу.

Томас Хадсон развернул катер вокруг кормы. Леска почти вся размоталась, и Томас Хадсон повел катер навстречу рыбе.

– Ну а теперь подтягивай леску, – сказал Роджер. – Действуй с умом, Дэйв.

Дэвид нагнулся, выпрямлялся и наматывал леску на катушку, опять нагнулся, выпрямлялся и наматывал, действуя равномерно, как автомат, и изрядная часть лески уже вернулась на катушку.

– Еще никому из нашей семьи не удалось поймать меч-рыбу, – сказал Эндрю.

– Заткнись, будь добр, – оборвал его Дэвид. – А то сглазишь.

– Я помолчу, – сказал Эндрю. – С тех пор как ты ее подсекал, я только и делаю, что молюсь.

– Как ты думаешь, крючок не разорвет ей пасть? – шепнул Том-младший отцу, который стоял за штурвалом, постоянно оглядываясь на корму и следя за углом лески, белевшей в темной воде.

– Надеюсь, нет. У Дэйва не хватило бы силы.

– Я все сделаю, если ее поймает, – сказал Том-младший. – Все, что угодно. Обещаю. Из кожи вылезу. Принеси ему воды, Энди.

– Я принесу, – вызвался Эдди. – Держись, Дэйв, мой мальчик.

– Не надо подпускать ее ближе! – крикнул Роджер. Он был опытный рыболов, и Томас Хадсон сразу его понял.

– Сейчас я заведу ее за корму, – отозвался Томас Хадсон и так легко и мягко развернул катер, что вода за кормой почти не колыхнулась.

Рыба рвалась в глубину, и Томас Хадсон с предельной осторожностью дал задний ход, чтобы ослабить натяжение лески. Но это едва заметное приближение взволновало рыбу и привело к тому, что удилище почти вертикально склонилось над водой, леска разматывалась теперь рывками, и удилище каждый раз дергалось в руках Дэвида. Томас Хадсон дал малый вперед, чтобы мальчик мог удержать леску. Он понимал, как трудно находиться сыну в таком положении, но надо было не допустить, чтоб вся леска размоталась.

– Я не могу больше укреплять тормоз – леска лопнет, – сказал Дэвид. – Что делать, мистер Дэвис?

– Она будет погружаться, пока ты ее не остановишь, – ответил Роджер. – Или пока сама не остановится. Тогда надо пытаться ее подтягивать.

Леска все разматывалась и уходила под воду, разматывалась и уходила, разматывалась и уходила. Удилище так изогнулось, что казалось, вот-вот сломается, а леска натянулась, как виолончельная струна, и на катушке ее осталось совсем мало.

– Что мне делать, папа?

– Больше ничего. Ты все делаешь правильно.

– А она не уйдет на дно? – спросил Эндрю.

– Здесь нет дна, – ответил ему Роджер.

– Держи ее крепче, Дэви, – сказал Эдди. – Она устанет и поднимется.

– Эти проклятые лямки уже достали, – сказал Дэвид. – Вонзаются в плечи.

– Передай удилище мне, – предложил Эндрю.

– Вот еще, – сказал Дэвид. – Я просто сказал как есть. Плевал я на них.

– Может, надеть на него пояс, Эдди? – предложил Томас Хадсон. – Если ремни будут слишком длинными, можно леской прикрепить.

Эдди обернул Дэвида широким стеганым поясом и привязал кольца на нем к катушке леской.

– Так гораздо лучше, – сказал Дэвид. – Большое спасибо, Эдди.

– Теперь тебе помогают ее удерживать не только плечи, но и спина, – сказал Эдди.

– Но леска кончается! – воскликнул Дэвид. – Черт ее возьми, почему она продолжает погружаться?

– Том, – позвал Эдди. – Поверни-ка немного на северо-запад. Мне кажется, она двинулась вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.